
Сергей
Гончаров



ЯДЕРНАЯ ЗИМА

Сборник рассказов

16+

Сергей Гончаров

Ядерная зима. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Гончаров С.

Ядерная зима. Сборник рассказов / С. Гончаров — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-0541-6

Есть ли призраки в социальных сетях? Нужно ли полюбить монстра? Можно ли жить с закрытыми глазами? Для чего Ивану Грозному привозили снежную кошку? Как стать самым влиятельным человеком на Земле? Что ценнее: своя жизнь или жизнь всего человечества? И чем можно заняться в последний день мироздания? Ответы на эти вопросы вы найдете в этом сборнике рассказов.

ISBN 978-5-5321-0541-6

© Гончаров С., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Ядерная зима	5
Побег от мамочки	10
Двойник	18
Бешеный Пёс Динго	24
Спящие	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ядерная зима

Слово автора:

Данный рассказ, по сути, является отдельным и законченным произведением, но, по факту, это вставная новелла из романа «Спящие».

Крохотный столик ломился от чизбургеров и прочих гамбургеров, которые Ян набрал, но не съел. Он откинулся на спинку стула, погладил вздувшийся живот. Впервые за шесть месяцев наелся вдоволь. За один присест съел то количество глутамата натрия, которого не хватало в течение ста восьмидесяти дней. Поглядел на пустые коробки и громко хмыкнул. Сознание пронзила мысль, насколько сильно организм стал зависеть от белого, кристаллического порошка. Понял, почему последний месяц снились чипсы, дошираки и прочие глутаматные вкусности, коих в Припяти днем с огнем не сыскать. Ян медленно перевел взгляд на детей рядом. Они уплетали пирожки в красивых продолговатых упаковках, смеялись, наперебой рассказывали друг другу о какой-то игре. В глубине души Ян их пожалел. Дети ели, радовались и даже не представляли, какой опасный наркотик им купили родители.

После невероятно сытного ужина захотелось пройтись. С огромным трудом поднялся. Кола в животе громко булькнула. Несколько минут простоял, глядя на черный с фиолетовыми лямками рюкзак, добросовестно прошедший с ним через зону отчуждения.

– Гудя, Гудя... – пробормотал Ян. – И сколько мне тебя таскать?

Рюкзак, которому он поначалу смеха ради дал кличку Гудвин, дожидался хозяина на соседнем стуле. Одна из фиолетовых лямок соскользнула, пару раз качнулась и застыла.

– Гудя, Гудя... – взгромоздил рюкзак на плечи Ян.

Москва возвращалась с работы шумным потоком – сотни машин, множество людей. Ян понятия не имел, где находился, но в последнее время его это обстоятельство перестало пугать. Карту Припяти перед поездкой он умудрился оставить на рабочем столе, а там, в отличие от Москвы, спросить дорогу не у кого. С работниками зоны отчуждения Ян предпочитал не встречаться. Его раздражали их косые взгляды на все разрешающий пропуск, вопросы, в честь чего такой выдали.

Ян шел и разглядывал людей. Каждую девушку старше шестнадцати и младше сорока провожал жадным взглядом. Иногда засматривался и на дам под пятьдесят, ведь в Припяти женщины еще большая редкость, чем Е621.

Свист тормозов заставил отскочить назад.

– Твою дивизию! Ты из леса выбрался?! – высунулся из черной «тойоты» мужик с неопрятной бородой. Ян усмехнулся, недоумевая как можно посреди коммунального рая выглядеть как первобытный человек. Тот момент, что сам зарос бородой, волосами, одежда поизносилась – не принимал в расчет, ведь еще сутки назад находился среди руин человеческих возможностей.

– Хуже, – ответил Ян. – Я смерть обманул.

Водитель несколько секунд таращил глаза.

– Баран! – буркнул он и помчался дальше.

Как выяснилось, дорогу Ян переходить напрочь разучился. Летящий поток машин очень сильно действовал на нервы. После развалюх в зоне, что даже при помощи господ никогда не сдвинутся с места, машины, которые могли не только ездить, а почти летать, наводили суеверный страх.словно австралопитек, он наблюдал за бурной рекой автомобилей, пока не сообразил, что ему без разницы, куда идти. До утра совершенно свободен.

Ян вошел в какой-то двор, присел на лавочку. Рядом поставил рюкзак. Хрущевка, разноцветные качели, машины вдоль дома, пьяная компания, что-то выяснявшая вдалеке – можно представить, что вокруг Ростов. Яну до боли в сердце захотелось попасть в родные места, вновь

пройти по улицам, где когда-то папа – чешский эмигрант, завладел сердцем мамы – ростовчанки. Он вообще не понимал, из-за чего задержался в Москве. Догадывался, что чего-то ждет, но под дулом автомата не ответил бы чего именно.

Поглядел на дом перед собой. Шесть месяцев в мертвом городе не прошли даром для психики. Казалось невероятным, что в окне мерцал телевизор, подъезды освещены, а из ступеней не торчало деревце. В киевском аэропорту думал, что рехнется от количества людей, но постепенно попривык. Однако на лавочке вновь стало странно слышать пьяную ругань компании, видеть людей, шедших по тротуару вдоль дома, смотреть на припаркованные машины.

Поначалу Ян назвал свое изобретение ППРЗ, то есть «прибор предотвращающий радиационное заражение». Но когда находился в зоне отчуждения, начал звать Тотошкой, а потом и вовсе упростил до Тошки. В свое детище Ян встроил дозиметр, с подбором же сигнализировать звука голову не ломал – взял первый попавшийся. В зоне Тошка часами молчал, но если заходилась истошным тьяканьем, то на душе сразу теплело, а чувство одиночества пропадало.

Когда Ян впервые пришел к директору родного НИИ с заявлением, что изобрел сенсационный прибор, то чуть не вылетел с работы. Директор долго смеялся, а потом сказал, что умалишенные на должности техника КИПиА ему не нужны.

Когда второй раз пришел к директору с заявлением, что усовершенствовал сенсационный прибор, то узнал три новых матерных слова.

Когда третий раз пришел, то директор с ехидной улыбкой поинтересовался, а не помогает ли сенсационное изобретение пережить направленный ядерный взрыв. Ян чистосердечно ответил «Нет», а после три недели не мог спины разогнуть – директор придумал гору работы, чтоб подчиненному не лезли в голову дурные мысли.

Когда Ян семьдесят четвертый раз пришел, то директор пообещал, что соберет экспертов для оценки ППРЗ.

– Тошка, Тошка, – с улыбкой погладил прибор на груди Ян. Он вспомнил, как вытянулись лица экспертов, когда они увидели, что изобретение, предоставленное на обследование, имеет столько же функциональных возможностей, как и разбитый кирпич. Вспомнил вычурные ругательства директора. Вспомнил злобу и бессилие, когда оказалось, что плюсовой провод от аккумулятора был плохо припаян.

Ни о каких сенсационных приборах директор больше слышать не хотел. Однако после долгих споров и пререканий, в обмен на заявление по собственному желанию, пообещал договориться с украинцами насчет пропуска в зону отчуждения. Но, помимо, потребовались еще и деньги. Много денег. Ян продал квартиру, машину и всю мебель. Вырученных средств хватило на проезд и еду, которую ему обязались поставлять в Припять.

Он жил и радовался царившему в мертвом городе покою. Правда, по ночам было немного жутко. Пустые скелеты домов, какие-то шорохи, вой то ли собак, то ли волков. Один раз даже на стадо кабанов наткнулся. Благо обошлось без происшествий, ведь из оружия лишь походный нож.

Поначалу Ян избрал жильем высотку на улице Набережная, недалеко от того места, куда, по договору с украинцами, должны были привозить еженедельный паек военные, охранявшие периметр зоны отчуждения. Но проведя три ночи в одной из квартир, он периодически слышал шум. Кто-то ходил ночью по дому. Один раз Ян отважился выйти на лестничную клетку и взглянуть вниз. Поселился он на предпоследнем этаже, хотел на последнем, да любой дождь застал бы врасплох. Внизу увидел свет. Непонятно, то ли свечи, то ли фонарика. Стараясь не издать ни единого звука, медленно вернулся в квартиру. Собрался закрыть дверь, да вовремя вспомнил, что петли наделают больше шума, чем четвертый энергоблок.

Той ночью Ян не спал, а утром поспешил убраться подальше от Набережной и переселился на проспект Энтузиастов. Но там долго не задержался, логически рассудив, что нет смысла сидеть на одном месте, когда твой дом всегда с тобой.

Каждый день начинался с того, что Ян проверял Тошку на исправность, завтракал, собирал Гудю и шел гулять. Поначалу не решался далеко отходить, но постепенно ареал обитания разросся. Зона манила сильнее русалки. Он собирался обойти известные с детства места, не опасаясь подцепить какие-то там рентгены.

Поначалу с огромным трудом заставлял себя прикасаться к зараженным предметам, а тем паче находиться вблизи радиоактивных строений. Но через неделю, когда в организме при самой тщательной проверке обнаружилась лишь врожденная радиация (как не удивительно, но даже одежда, обувь и Гудя ничего не «подцепили», а на такой успех изобретения Ян даже не рассчитывал), успокоился и принялся исследовать зону отчуждения. Почитал разваливавшиеся по листкам книги в библиотеке, посидел на колесе обозрения и электрических машинках, побродил по окрестностям станции Янов, переночевал в «Полесье», охранники склада брошенной техники согласились пустить внутрь, где он провел целый день, не только рассматривая, но и «щупая» большинство технических средств, которые участвовали в ликвидации взрыва. И лишь после второго обследования, когда в организме вновь ничего не нашли, Ян отправился в разрушенный реактор. На идиота, решившего войти в саркофаг даже без противорадиационного костюма, сбежались посмотреть чуть ли не все работники ЧАЭС. Внутри он пробыл полчаса, хотя планировал три-четыре – устоявшийся за жизнь страх радиации быстро выгнал наружу.

Бродить по заброшенным местам через месяц надоело. Везде одно и то же – разруха и запустение.

Скуку разбавило неожиданное происшествие. Как-то, через день или два после четвертого получения недельного пайка, Ян брел по Леси Украинки неизвестно куда и неизвестно зачем. Гудя сильно оттягивал спину. Вояки привезли столько тушенки, что Ян смог бы роту мамонтов накормить. Он глядел под ноги на пробивавшуюся сквозь асфальт траву и о чем-то думал. Услышал «Привет». Машинально ответил «Здорова» и, не поднимая взгляда, направился дальше. Через минуту сообразил, что произошло. Обернувшись, увидел беззубого и лысого старика в вылинявших брюках и непонятного фасона нательной одежде. Старик улыбался.

Яна предупредили, что в зоне отчуждения, кроме работников, проживает около тысячи человек. Некоторые полуофициально, а другие потому, что последствия взрыва менее страшны, чем то, что ждет вне зоны.

- Новенький? – спросил старик.
- Ага! – кивнул Ян и понял, что от удивления нижняя челюсть расслабилась.
- Не турист? – настороженно поинтересовался абориген.
- Не, – помотал Ян головой. – Не турист.
- Ну, тогда пока, – махнул рукой дед. – Еще увидимся.

Он развернулся и побрел дальше, а Ян минут пять стоял и смотрел ему вслед. В голове вертелось множество вопросов. Как он здесь живет? Чем питается? Как умудряется не попадаться военным на блокпостах и охранникам Припяти? Позже ему не единожды встречались нелегальные припятчане и прочие жители атомной зоны, но первая встреча запомнилась навсегда.

Почему старик поинтересовался насчет туризма, Яну пришлось узнать несколько позже, когда группа россиян «дикарями» приехала осматривать знаменитый на весь мир город. К несчастью, Ян имел неосторожность на них наткнуться. Они закидали его вопросами! Правда, встреча не прошла даром. Они дали шоколада и три бутылки водки, радиацию из организма выводить. В душе Ян над ними посмеялся, мол, посмотрелись всякого бреда в интернете и думают, что водка лекарство от всех бед. Правду говорят, что она у русских лечит все, только одни ее пьют, чтоб от чего-то избавиться, а другие не пьют, чтоб чего-нибудь не приобрести.

Поблагодарил щедрых соотечественников, запихнул водку в рюкзак и поспешил убраться на несколько дней подальше от Припяти.

Пьяная компания успокоилась и начала расходиться. Город затих.

– Тошка, Тошка, – погладил Ян детище. Он вспомнил удивление врачей, когда им сообщили, что человек, у которого они безуспешно искали признаки лучевой болезни, полгода не только бродил по земле, где нельзя жить сотни лет, но и пил исключительно местную воду.

Он улыбнулся и представил, как приедет в Ростов... Дальше фантазия почему-то не шагнула, а сразу перепрыгнула. Ян увидел себя в большой квартире с гигантским телевизором, да мебелью на заказ.

– И обязательно пентхаус с огромным панорамным окном, – прошептали губы, пока рука поглаживала Тошку.

Воображение живо рисовало картинки счастливого будущего. Не в силах усидеть на месте он встал. Обошел вокруг лавочки.

– Гудя! Подъем! – скомандовал Ян, взваливая рюкзак на плечи. – Что ж ты такой неуклюжий?! – пробормотал, когда что-то кольнуло под ребра. – Мало того, что на шею сел и ножки свесил, так еще и пихаешься?!

* * *

Ян брел и не видел окружающих домов, людей, машин... Не видел жизни вокруг. Его сознание настолько привыкло к одиночеству, что даже живой город не мог вытеснить тех мироощущений, что остались от мертвого. В зоне он привык погружаться в мысли, ведь все равно вокруг разруха и смотреть не на что. Топая по Москве, невольно переместился в Припять. Вновь предался мечтам о будущей счастливой и безбедной жизни. Вначале представил, что купит пентхаус в доме на пересечении Горького и Соколова в Ростове. Он ежедневно проезжал мимо этого дома на работу и не единожды мечтал там жить. Но вскоре мечты перенеслись в Москву. Живо представил такой же дом где-нибудь в центре столицы, поближе к Кремлю. Как в него въезжает, а на следующий день едет покупать машину. Какой-нибудь большой черный джип с невероятно комфортным салоном. Представил, как обрадуется мать, которая третий год твердит: «Тебе скоро четвертый десяток пойдет! Думаешь, я вечная? А хочется же и на внуков посмотреть!». Ян всегда придерживался мудрого изречения, что не стоит искать женщину, надо искать деньги, а женщина сама найдется. Теперь, когда деньги, за разработку прибора препятствующего проникновению любого излучения в организм, польются рекой, ему останется лишь выбрать, на ком жениться.

Ян настолько замечтался, что чуть не врезался в столб. Перед самым носом заметил серое строение. Поднял взгляд и увидел, что очутился перед тем же заведением, где прошлым вечером с аппетитом наелся глутамата натрия. На улице рассвело, появились машины и пешеходы.

– Ни фига себе?! – Ян огляделся, не понимая, каким образом так быстро закончилась ночь.

Домой захотелось жутко – поспать в не разваливающейся кровати и укрыться нормальным одеялом, посидеть в ванной и побриться, посмотреть телевизор и попить пиво с друзьями. Такие обыденные события, на которые мы даже внимания не обращаем в повседневной жизни, показались ему чем-то недостижимым, почти химерой.

Но запах манил и притягивал, как блесна рыбу. Секундное размышление и Ян направился в глутаматник.

* * *

С чизбургамии он переусердствовал. Каждое движение вызывало боль в животе. Казалось, что дернись чуть резче, и желудок разорвется от тех канцерогенов, которыми его напичкали.

В метро он вошел медленно-медленно. На бешеный эскалатор вообще боялся вступить, пока кто-то сзади со словами «Да шагай ты!» не пихнул в спину. Подавив спазм в желудке, Ян очередной раз удивился количеству людей. В обычном, не зараженном радиацией мире, он прожил сутки и, тем не менее, не смог привыкнуть к ним. Наблюдал за поднимающимися на поверхность москвичами, а по большей части теми, кто мнил себя ими. Пресные, вялые лица, задумчиво-бессмысленный, блуждающий, взгляд.

«Разве им нужен Тошка? – задумался Ян. – Зачем людям, не умеющим ценить жизнь, устройство способное ее сохранить?»

Соскочив с эскалатора, направился к составу. В памяти всплыли вагоны с Янова. Поржавевшие цистерны, платформы и тепловозы. На них не читались надписи, а кое-где наоборот появились новые, сделанные баллончиком с краской. На одно короткое мгновение он увидел станцию такой, какой она могла быть в Припяти – безлюдной, пыльной, мусорной, с облезлыми стенами и поржавевшим составом, наполовину скрывшимся в тоннеле.

В вагоне зацепился взглядом за двух японцев или китайцев, кто разберет? Бухнулся на сидение. Гудю бережно устроил на коленях. Взглянул на женщину с котом, которая сидела напротив.

Глаза закрылись сами собой. Ян с усилием их открыл, попытался сфокусировать на коте. Но они неудержимо слипались.

«Хотя... – продолжал размышлять Ян. – С другой стороны... А не все ли равно? Ну и пускай уничтожают себя».

Он непроизвольно улыбнулся, когда вспомнил, как выглядит мир, где нет подонков на улицах, органов правопорядка, при каждом удобном случае обещающих показать настоящий беспредел. Вспомнил, как понравилось жить в тишине, спокойствии, когда есть время поразмышлять, наслаждаясь жизнью, а не тратить ее впустую на телевизор, эфемерные проблемы, пьянки, погоню за ненужными вещами.

«Да и безопасней там, – подумал Ян подъезжая к Лубянке. – Никто ничего не взрывает, не стреляет... Не убивает просто так».

Перед тем как утомленный разум погрузился в сон, Ян понял, что он даже хотел бы, чтоб сейчас произошел взрыв.

Тогда человечество будет по-прежнему бояться радиации и следующая зима не станет ядерной.

Побег от мамочки

Слово автора:

Рассказ написан в 2011 году и опубликован в «Знание – сила. Фантастика». Чуть позже мне стало интересно, а кто жил в деревянных домиках посреди заснеженного города на мёртвой планете? Так родился роман «Выбор Евы».

Тимур наблюдал за посадкой серебристого модуля. Снег, который лежал повсюду, отражал свет почти потухшей звезды и сильно слепил. Куполообразный модуль, выставив четыре лапы, сел на посадочную площадку. Взметнулся ураган снега – долго на эту площадку никто не садился.

Четыре часа назад Тимур получил сообщение следующего содержания:

«Узнал, что ты застрял на этой проклятой планете. Иду выручать».

Конечно же, это оказался старший брат. Тимур ни секунды не сомневался в этом. Лишь он, да покойная мать могли так выражаться. Мать до последнего вздоха называла его «маленьким пингвинчиком». Брат, после смерти матери, принял на себя роль защитника. И где бы ни оказался Тимур, всегда приходил Данил и вытаскивал младшего. В этом нет ничего плохого, думал Тимур, не будь брат настолько дотошным, что старался знать каждый шаг младшего, чтоб сейчас же вмешаться и помочь. И неважно, нужна ли помощь.

Серебристый модуль громко пшикнул, выпуская отработанный пар. Дверь пассажирского отсека медленно поползла вниз. Она успела опуститься лишь наполовину, а Тимур уже видел счастливую улыбку высокого мужчины крепкого телосложения. На лысой голове Тимур заметил три шрама. Один, достаточно глубокий, прорезал правую щеку. Данил жизнерадостно помахал рукой. Тимур вяло ответил. Он не питал к брату таких же восторженных чувств. За что себя, впрочем, винил.

Не успела дверь до конца открыться, как Данил, не спуская лестницы, прыгнул на снег. Тимур всегда поражался энергичности старшего брата. В школе он был лучший во всех видах спорта. В армии никому ни в чем не уступал. И когда его ровесники сидели с толстым пузом, обсуждая очередной футбольный матч, Данил мог, не затрудняясь, пробежать сорокакилометровый кросс хоть в двух снаряжениях, убить быка одним ударом, а в пьяном состоянии даже на медведя с голыми руками изредка ходил.

Наверно потому и работал в дивизии разведчиков – искал новые миры.

Тимур не пошел за братом. Он не был первым в школе по физической подготовке. Больше того, одноклассники издевались над ним – ведь грех не пошутить над маленьким и слабым. К тому же он ничего не говорил брату, а если бы сказал, то нашелся б еще один повод поиздеваться.

Но Тимур преуспел в другом. В то время как брат рвал груши с одного удара, Тимур изучал историю. Постепенно увлечение переросло в манию. Ему стало казаться, что чем он больше учит, тем меньше знает. И Тимур начал учить еще усерднее. Не закончив школы, он получил место на историческом факультете бюджетного отделения самого престижного вуза Земли. А через два года с отличием окончил. Преподаватели восхищались его знаниями. Предлагали, не откладывая, идти в аспирантуру, но...

Тимур выбрал собственный путь.

Данил со счастливой улыбкой заключил брата в объятия. Тимур чувствовал, что ребра с секунды на секунду превратятся в труху, но не возражал. Ради любви можно все перетерпеть.

– Как ты, братик? – Данил лишь на секунду отстранил Тимура, а в следующее мгновение обнял еще сильнее. – Не загнулся от холода?

– Еще нет, – Тимур с большим трудом освободился из объятий Данила. – А вот ты вполне можешь, если не оденешь это.

Тимур протянул брату термоскафандр.

Планета, где он жил последние семь лет, представляла собой ад. Только наоборот. Днем температура держалась в пределах минус ста пятидесяти по Цельсию, ночью падала до двухсот. Без скафандра обширное обморожение и воспаление легких через несколько минут, а смерть через десять. Но это для неподготовленного человека.

Данил удивленно посмотрел на термоскафандр, затем на брата. Теперь он заметил, что Тимур одет в точно такой же красный комбинезон с прозрачной маской для лица.

– А это обязательно? – поинтересовался Данил.

– Обязательно, – ответил Тимур. – Мне удивительно, что ты еще не заметил здешнего холода.

– Заметил... Немного.

Тимур выискал среди оставшихся комбинезонов самый большой размер. Но теперь, взглянув на брата, засомневался, что Данил сможет его надеть.

Брат быстрыми, выверенными движениями натянул комбинезон. Со стороны могло показаться, что он всю жизнь только и делал, что надевал термоскафандр. Конечно, он ему оказался немного маленьким, но, главное, застегивался плотно.

– Пойдем в машину, – указал рукой Тимур на припорошенный свежим снегом вездеход. – Термоскафандр все равно плохо помогает от здешних морозов.

– Это?! Мороз?! – Данил небрежно махнул рукой. – Мы год назад были кто-его-знает в какой галактике. Так там на одной из планет, вследствие каких-то аномалий, минус тысяча по Цельсию. Нам даже приземляться не разрешили...

Он направился за братом продолжая рассказывать о галактике кто-его-знает.

– Но высаживаться там надо было, ведь сканеры вторично показали на одной из планет огромное наличие... кажется каменного угля. Ну и что ты думаешь? Скрепя сердце, командир отправляет наш батальон на высадку, сразу предупредив, что вернуться могут не все... Что это за развалина?!

Данил остановился в недоумении. Вездеход действительно выглядел архаично – старая гусеничная машина на солнечных батареях.

– Ты на этом здесь ездешь?!

Казалось, брат всплеснет руками да добавит как когда-то мать: «Пингвинчик мой, этого нельзя делать!»

– Нормальная машина, – попытался оправдаться Тимур, прекрасно понимая бесполезность усилий. – Она имеет достаточную проходимость для здешних снегов, да и неприхотлива в обслуживании...

– Сколько ей сотен лет?! – брат с непритворным удивлением обошел вокруг вездехода.

– Да если честно, то и не знаю, – ответил Тимур. – Я нашел ее в одном из местных ангаров пять лет назад. Отогрел, отмыл, зарядил и вот... езжу.

Тимур открыл дверь. Сел на водительское место. Данил с огромным трудом протиснулся в узенькую дверь и занял место рядом.

Мотор размеренно загудел. В его рычании чувствовалась мощь. Первобытная, неконтролируемая, даже дурная, но невообразимо сильная. В вездеходе, как подметил Данил, оказалось лишь несколько рычагов, три кнопки да руль больше похожий на штурвал музейных самолетов.

– Ну и как ездит твоя колымага?

В следующую секунду Тимур нажал педаль газа. Вездеход, взметнув столбы снега, тронулся. Изнутри казалось, что находишься в огромном и свирепом животном каждое мгновение готовом к битве. Через несколько секунд вездеход набрал скорость девять миль в час – быстрее ездить Тимур не рисковал, ведь снег временами коварнее болота.

Посадочная полоса находилась в часе езды от базы.

– А теперь рассказывай, чего ты тут застрял? – Данил заворожено рассматривал вид за окном.

Рассматривать было что. Умершие цивилизации, сколько на них не смотри, все равно притягивают взгляд. Это как смотреть на собственное чадло в кровати.

Высокие, спрятавшиеся за облаками, громады небоскребов. Переливающиеся всеми цветами радуги обледеневшие стекла. Застывшие на улицах автомобили. И все покрыто снегом.

Казалось, жители покинули эту планету в огромной спешке. Или погибли отчего-то настолько смертоносного, что война по сравнению с этим детская шутка.

– Впечатляет, – на выдохе произнес Данил. – Прямо как классический Нью-Йорк на фотографиях. Я видел сотни погибших цивилизаций, но такой красоты еще не наблюдал. Кошунственно, правда, звучит, но... – Данил не мог оторваться от окна. – Потрясающе красиво! Я теперь понимаю, почему ты не спешишь отсюда убираться.

– Вообще-то не поэтому, – сказал Тимур. – Здесь есть нечто более интересное, чем неизвестно когда погибшая цивилизация.

– Из-за этого «нечта» ты здесь и торчишь седьмой год?

Вездеход продолжал ехать вдоль города, но Данил переключил внимание на брата.

– Честно? – спросил Тимур.

– Желательно.

Тимур резко повернул руль. Данилу показалось, что примитивная машина чуть не перевернулась.

– Куда ты? – десантник удивленно взглянул на брата.

– Ты никогда не задумывался, почему мы так быстро уничтожили наш мир? – вопросом на вопрос ответил Тимур.

– Это имеет отношение к делу? – в свою очередь поинтересовался Данил.

– Прости, но придется зайти издалека.

Брат некоторое время смотрел в окно, затем с самым простодушным видом ответил:

– Нет, я никогда не задумывался, почему мы уничтожили Землю.

Вездеход въехал в город и, лавируя между машин, начал углубляться. Стекла нижних этажей слепили глаза, потому Тимур сбросил скорость. Не хватало только врезаться. Патрульно-постовые и скорая на этой планете отсутствовали уже давно.

– А кто здесь вообще жил? – поинтересовался Данил.

– Люди, – ответил Тимур. – Обычные люди, как мы с тобой.

– И выкачали все полезные ископаемые, – завершил мысль Данил.

– Так и было. Мы, когда прилетели, не нашли ничего. Планета пуста. Она словно воздушный шарик – внутри полая.

– Так, а чего ж ты тут тогда остался? – вновь спросил Данил. – Если вы не нашли здесь ничего, то что смог найти ты, раз решил остаться когда остальные улетали?

– Мы скоро приедем, и я тебе покажу, что я здесь делаю, а пока позволь рассказать.

Данил махнул рукой, мол, рассказывай.

– Если честно, – начал Тимур. – То мне странно, что ты служишь в одной из структур разведки и не обратил внимания на закономерность погибших цивилизаций.

– Я разведчик, а не ученый, – попытался оправдаться Данил. Он со школы питал некую зависть к брату, который хоть и младше, а знаниями обладал большими.

– Не обращал внимания, что везде, где есть погибшие цивилизации, нет больше ничего? Это погибшие планеты, где...

– Что это?! – указал Данил на здание, мимо которого проезжал вездеход.

На третьем этаже отсутствовало одно из стекол. Из дырки, головой вниз, свешивалось тело. Если б не черная шерсть, то Данил мог подумать, что видит человека.

– Местный хищник, – буднично сообщил Тимур.

– Здесь еще кто-то живет?!

Тимур посмотрел на брата. Ему казалось, по меньшей мере, странным, что он, столько повидавший на просторах космоса, еще способен удивляться.

– Это последние, кто был жив на этой планете, – сказал Тимур. – На планете, где есть погибшая цивилизация, нет абсолютно ничего ценного. Это вскоре станет аксиомой.

Данил почесал затылок.

– Ну, – несколько неуверенно начал он. – Я подмечал такое обстоятельство, но это ж не означает...

– В том то и дело, что означает, – перебил Тимур. – Планета уничтожена, а населения нет – вот, что это означает.

Данил хотел что-то сказать, но Тимур жестом остановил.

– А что мы сделали с Землей?

– Плохо мы сделали с Землей, – лаконично ответил брат.

– На нашей родной... – Тимур сделал ударение на последнем слове. – ...планете мы выкачали все ресурсы, загадили все что можно и убили всех, кого можно убить.

– Собственно, это еще в школе проходят, – сказал Данил. – Чего тут удивительного? Или ты мне хочешь доказать, что везде и на всех погибших планетах жили люди?

– Именно.

– А что ты скажешь про землянки размером с остров, где семиметровые скелеты с тремя глазами? Тоже люди? Или про ходы в пол человеческого роста, которыми испещрена вся поверхность Мейтаны? Причем там обнаружено нечто наподобие автомата, только маленького размера. Тоже люди, только карлики? А на Дэкаденсе мы застали и вовсе умирающую цивилизацию. Знаешь, чьими родственниками их признали? – не дожидаясь ответа, Данил сказал. – Медведей.

– Я не буду сейчас с тобой спорить, – сказал Тимур. – Только кое-что расскажу.

Вездеход выехал на площадь, где в центре стоял огромный памятник человеку с бородой и в скафандре наподобие тех, что одевали первые космонавты. Тимур повернул руль направо, и вездеход скрылся в одной из выходящих на площадь улиц.

– И все же, – продолжил Тимур. – Большинство же погибших цивилизаций человеческие? Данил кивнул.

– Может, помнишь теорию, что человек не с планеты Земля и произошел не от обезьяны?

– Да знаю я эту теорию, – отмахнулся Данил. – Бред сивой кобылы в лунную ночь под барабанную дробь! Давным-давно доказано, что как ни крути, а мы произошли от обезьяны. У нас одинаковый геном, привычки...

– Согласен, – перебил Тимур. – Привычка убивать по пустякам у обезьян сильно развита! Я тебе говорю о том, что у человека изначально имелось много качеств и привычек, которыми земные животные не обладали. Взять хотя бы логическое мышление, волосы, абсолютную неприспособленность к миру. Как мы могли прыгнуть с дерева и начать ходить в рост? Ведь любой хищник сразу бы задрал такую слабую особь. Как мы могли убить целый вид пещерных медведей каменными ножами?.. А вообще ты посмотришь сейчас на все сам.

Вездеход подъезжал к концу улицы. Впереди виднелась еще одна площадь, только огромного размера. Данил поначалу не поверил глазам, увидев посреди площади порядка тридцати деревянных домиков выстроенные в одну улицу. Во главе стояло трехэтажное деревянное сооружение без окон и с расходящимися от него проводами. Провода подходили к каждому дому, а от самого здания уходили вверх.

Данил, насколько позволяло окно вездехода, высунулся, чтоб посмотреть, куда же они идут. Оказалось, что на всех близлежащих крышах небоскребов стояло по несколько ветряных электростанций. Их силуэты смутно-смутно проглядывались сквозь пелену облаков.

– Это электростанция? – указал Данил на здание без окон.

– Да. Причем она до сих пор работает, – ответил Тимур.

Все выглядело настолько неестественное, что казалось галлюцинацией.

Тимур повел вездеход вокруг поселка посреди города. Позади домиков стояла деревянная ограда с острыми кольями, через каждые пять метров находились стальные бойницы.

– Что это вообще такое?! – задал, наконец, Данил вертевшийся на языке вопрос.

– Скоро узнаешь.

Впереди показалась брешь в стене. Лишь когда вездеход подъехал ближе Данил увидел, что часть ограды попросту выломана, а ближайшая бойница разорвана.

– Кто-то штурмовал этот поселок? – спросил Данил.

– Сородичи того, что висел из окна, – ответил Тимур.

Он сбавил скорость и медленно проехал в брешь. Внутри царил беспорядок. Повсюду, покрытые слоем снега, лежали разнообразные предметы обихода. Двери практически всех домов валялись рядом, вырванные вместе с лутками, хоть и открывались когда-то наружу.

Тимур повел вездеход прямо к центральному строению без окон. В одном из домов, сквозь дыру на месте двери, Данил смог разглядеть скромное убранство. Точнее то, что осталось от оного. Какой-то примитивный станок лежал на боку, стол переломлен на две части, кровать поставленная «на попа» в последние мгновение явно выполняла функцию двери. Повсюду валялась припорошенная снегом посуда и прочие мелкие предметы быта.

Вездеход остановился возле единственного входа центрального строения. По тому, как «приладили» дверь, Данил сразу догадался, что ее восстановлением занимался Тимур.

– Выходим, – Тимур выключил вездеход.

Данил еще с большим трудом, чем забирался, выбрался. Размял затекшие конечности, сделал пару упражнений разминки, нанес «двоечку» воображаемому противнику.

– Как можно строить такие маленькие машинки?! – возмутился он.

Тимур выбрался следом, открыл дверь здания, закрытую на обычный крючок.

– Заходи, – пригласил он брата.

Внутри царил мрак. Тимур пропустил брата и запер дверь изнутри на такой же крючок, клацнул тумблер возле входа, и помещение залил яркий белый свет. Оказалось, что здание не трехэтажное. Просто меньшее строение для предмета внутри, построить оказалось невозможно. Посреди единственной комнаты находилось нечто странное – большое квадратное сооружение. Его поверхность словно сделана из стекла, а внутри бурлила светло-зеленая жидкость. Сверху воткнуты провода. Вдоль стен располагались более знакомые вещи – радиаторы странной формы, здоровый пульт с множеством кнопок и большим экраном над ним, да десяток кресел на ножках, которые были явно откуда-то вырваны.

– Что это? – указал на квадрат с жидкостью Данил.

– Хотел бы я знать, – вздохнул Тимур. – Мы еще не достигли такого прогресса. Могу лишь сказать, что это нечто наподобие повышающего трансформатора. Те крохи электроэнергии, что поступают внутрь, он усиливает до нескольких сотен тысяч киловатт. Как? – не спрашивай.

Данил обошел странное изобретение вокруг. Нигде ничего хоть отдаленно напоминающего кнопки «вкл/выкл» или регулятора мощности.

– Это явно не человеческое изобретение... – рассеянно пробормотал Данил. – Я нигде ничего подобного не встречал... А ты не пытался взять на пробу этой жидкости? – спросил он брата.

Тимур усмехнулся.

– Еще как пытался! Я тоже вначале подумал, что это стекло, – он взял стоявшую возле стены кувалду достаточно внушительных размеров. – Вот, инструмент из местной кузницы. Попробуй стеклышко.

Данил не заставил просить себя дважды. Схватил одной рукой кувалду и что есть сил ударил по квадратному сооружению. В следующую секунду выронил кувалду и затряс рукой от боли.

– А сверлить не пробовал?

– Пробовал, – ответил Тимур. – Я что только не пытался сделать. Пойми, мы еще не достигли такого развития, чтоб создавать подобные вещи.

– Но провода туда как-то ж воткнули? – не унимался Данил.

– Я действовал по точно такой же логике. Ничего не вышло. Подойди сюда, – Тимур присел на одно из кресел возле пульта. – Садись, – указал на соседнее.

Данил еще раз кинул взгляд на квадрат с бурлящей жидкостью, затем послушно сел.

– Я долго разбирался в этом оборудовании, – Тимур нажал несколько кнопок и экран вспыхнул помехами с характерной статикой. – Нашел много интересного, но самый большой интерес представляет вот эта запись.

На экране возник мужчина в рубаше из коричневого меха, с седой бородой и волосами, хоть и не казался при этом старым. Он сидел на том же месте, что и Тимур, за его спиной возвышался тот же бурлящий квадрат, а в комнате была та же обстановка.

Человек начал говорить. Данил внимательно слушал около минуты, затем спросил:

– Это что за язык? Со мной служит китаец, постоянно песни свои распевает. Это точно не китайский. Про языки романской группы тут можно и не говорить...

– Можешь не гадать, – перебил Тимур. – Это шумерский.

– Какой?! – Данил посмотрел на брата, как на чокнутого, затем перевел взгляд на экран и больше не отрывал.

Человек минут пять говорил. Постепенно Данил начал улавливать какие-то посторонние звуки. Поначалу подумал, что с улицы, но, вслушавшись, понял – с экрана. В паузах между словами мужчины до слуха Данила долетали какие-то возгласы, крики, иногда рычание и что-то напоминающее выстрелы. Крики усиливались. В одно из мгновений начала вопить женщина. Крик как начался, так и оборвался. Слышалось, что звуки приближаются. Дверь за спиной мужчины дрогнула. Он обернулся. Когда повернулся обратно, на его лице без труда читался страх. Он успел сказать несколько фраз, когда дверь вырвали. В комнату ворвались существа. Они перемещались на двух лапах и очень напоминали бы человека, не имей волчьих морд, лап заканчивающихся когтями, да меха коричневого цвета.

Дальнейшее заняло несколько секунд.

Двое, что ворвались первыми, мгновенно оценили обстановку. Опустившись на четыре лапы, они кинулись на мужчину.

Экран зашипел статикой. Некоторое время Данил с Тимуром сидели молча.

Затем Тимур встал, прошел к одному из кресел, где лежал ворох бумаг. Немного покопавшись, выбрал одну и протянул Данилу.

– Не буду вдаваться в подробности, – сказал Тимур. – Начнем с того, что я нашел человека, который владел шумерским. Оказалось это не тот шумерский, что знают сейчас, а его неизвестная проформа. Несмотря на протесты, что это не до конца изученный, мертвый, да к тому же, отходящий на многие тысячелетия от классического, язык, я все-таки уговорил его перевести. Но он не смог полностью и дословно этого сделать, сказал, что много чего додумывал и логически домысливал.

Тимур замолчал. Данил некоторое время смотрел на брата, словно сомневался, стоит ли читать. Потом опустил взгляд.

«Мы потомки тех, кто семьдесят прореев (не смог расшифровать данное выражение, потому привожу его, как есть) назад сбежал с Эйтона (такая же проблема). Невыносимые условия и агрессия эксплуататоров заставили наших отцов и матерей бежать. Они угнали один из пространственных крейсеров (не

уверен в дословности перевода, но думаю, что здесь имеется в виду нечто летающее) и только поэтому смогли скрыться. В полете они решили, что надо разбиться на группы. Одну оставили здесь. Вторая группа отправилась на третью планету от вновь зарегистрированной звезды, где, по предположениям, обитали подобные нам существа. Рассчитывали, что они, укрывшись там, спрячутся среди местной фауны, а позже вновь вернуться за оставшейся здесь группой. Если же их найдут, то на этой мертвой планете искать не станут и тогда хоть кто-нибудь выживет. Но эта планета оказалась не пуста... (далее два предложения практически непередаваемы, а из отдельных понятных слов общей картинкой не получается). В назначенное время крейсер не вернулся и на связь не вышел. Эта планета оказалась еще страшнее, чем мы думали. Когда наши предки установили, что здесь жили люди... (несколько непонятных слов) то опасаться за свою жизнь пришлось вдвойне. Здешние здания заражены. К кораблю в порту вообще нельзя приближаться. Но самое опасное это местные хищники. Они борются за еду. А еда мы. Но самое страшное в том, что и они для нас единственная еда. В этот раз мы, похоже, не выстоим. Они...»

– Не повезло, – подвел итог Данил. – Их попросту кинули умирать. Мне, знаешь, кажется странным, что мертвый язык, который плохо изучен, настолько хорошо переведен.

– Я же говорил, что человек, который переводил, многое домысливал, – повторил Тимур.

– Кажется, он слишком многое присочинил, – усмехнулся Данил. – Удивительно, что они смогли выжить в деревянных домиках при такой температуре!

– Знаешь, сколько этой записи лет? – Тимур не услышал брата. – Она сделана около сорока тысяч лет до нашей эры. В этих условиях все отлично сохраняется. Так отлично, что я даже не смог установить, когда построен город вокруг нас. Но я предполагаю, что эта цивилизация погибла незадолго перед прибытием экспедиции, раз на планете оставались живые хищники.

– Это все поистине занимательно, – сказал Данил. – Но неужели ты думаешь, что тебе поверят?

– Я не думаю, а знаю! – возразил Тимур. – Против таких доказательств не попрешь! Я сообщу...

– А ты уверен, что человечество готово к раскрытию тайны? – перебил брат.

– Да ведь это прорыв! – воскликнул Тимур. – Десятки тысячелетий человек гадал, откуда взялся, а здесь такое открытие...

– Брат мой, – вздохнул Данил. – Ты засел на этой покинутой даже микробами планете и думаешь, что облагородишь человечество? Я повторю вопрос. Ты уверен, что человечество готово узнать, откуда оно?

– Но ведь это...

– Ты уверен, что человечество готово узнать, откуда оно? – повысил голос Данил.

– Да! – посмотрел в глаза брату Тимур.

– Хорошо, – согласился Данил. – Ты здесь сидишь и не видишь, что человечество на месте не стоит. Оно активно заселяет другие планеты. Естественно, близлежащие. Как я понял из перевода, наши предки прилетели из далекого далека, где были рабами.

– Не факт, – вставил Тимур, но Данил его и не старался услышать.

– Заселяя другие планеты, люди истребляют местное население, ведь врага за спиной оставлять опасно. На самый крайний случай, под видом помощи превращают в рабов. Нигде не встречают сопротивления, и тут объявляется молодчик, который сбрасывает с человечества нимб и опускает до уровня прислуги. Мы не будем даже вспоминать о людях, которые до сих пор считают, что произошли от бога или о тех, кто убежденно верит в силу ветки и вкус бана-

нов. Мы возьмем людей, кто более-менее трезво оценивает свое бытие. И ты думаешь, они готовы узнать, что являются бывшими рабами?

– А что в этом плохого? Человеческая история вся состоит из рабства. – Тимур никак не мог понять, куда клонит брат.

– В том-то и дело... получается, это не наше изобретение. Получается, мы используем чужие достижения. Опять же, на этой планете, как и на множестве других, жили люди, а потом куда-то делись. Когда вновь объявились, то были уже рабами.

– Я не пойму, куда ты клонишь, – признался Тимур.

– Попробуй объяснить трехлетнему ребенку, что его не аист принес, а мама с папой в прямом смысле слова «сделали». И процесс в подробностях объясни. Думаешь, поймет? Оценит прогрессивность родителей? Так же и с человечеством. Ты попросту угробишь жизнь впустую. Ты мой брат. В твоих жилах течет моя кровь, и я не допущу, чтоб тебя, как Бруно, сожгли на костре за правду. Придет время, человечество повзрослеет и само все поймет, а пока мы еще в трехлетнем возрасте. Повторно убежали от родителей и как истинные дети истребляем все вокруг. Нам все надо потрогать, пощупать, разобрать. Но если придет мама и увидит, что мы наделали... не сносить людям голов за побег от мамочки.

Двойник

Леонард пригнулся. Массивная ветвь проплыла над головой. Конь шел медленно, быстрее в этом лесу передвигаться опасно. Справа, в просвете деревьев, блеснуло. Всадник прищелкнул. Нагрудник лежал на крохотной полянке, наполовину спрятавшись в траве, а неподалёку, рядом с кустом волчьей ягоды, – череп, уставился пустыми глазницами в проступавшее меж крон голубое небо. Леонард остановил коня и ловко спрыгнул. Правая штанина выбилась из коричневого сапога. Наклонился заправить. Провиант, двуручный меч из лучшей стали, кольчуга, шлем, поножи закреплены на лошади. Тяжелых доспехов нет. Да и не защитят они от врага, с которым рано или поздно предстоит сражение. На поясе лишь ножны с серебряным мечом – самым действенным оружием в этих землях. Леонард заправил локон русых волос за ухо. Проверил на груди каплевидный амулет от хищного зверя. В дождливую погоду левый бок болел, напоминал о той ночи пару лет назад, когда чуть не задрал медведь.

В этих местах хищник один – двойной лик. В простонародье двойник. Страшная смесь человека и паука – наследие тех эпох, когда магические эксперименты над людьми не были запрещены. То столетие породило множество монстров, а десятки тысяч людей пропали без вести. Но хуже всего, что некоторые из чудовищ оказались способны к самовоспроизводству через заражение. Достаточно лишь царапины на теле человека. Животные под эту магию не попадали и были в относительной безопасности.

Прошло много лет, сменилось несколько поколений. За опыты над людьми стали вырывать язык и отрезать руки. Да и заклинания, способные превратить человека в монстра, давно позабылись. Но то, что получило жизнь, расставаться с ней не собиралось.

И Леонард – один из немногих, кто помогал смертельно опасным для всего живого тварям, покинуть мир навсегда.

Сутки назад наткнулся на первый скелет. Обглоданные лошадиные останки лежали в кустах у дороги и были совсем неприметны. Он бы не придавал им значения. Мало ли издохших лошадей вдоль трактов?! Но в черепе между глаз зияла дыра. Верный признак двойника. Сколько Леонард не искал останки наездника – безрезультатно. Либо тварь утащила в чашу, либо всадник оказался счастливым и смог убежать.

Найти логово чудовища – дело времени. За прошедшие годы он научился безошибочно определять их следы. Где-то пробитое дерево, где-то перебитый корень. И чем ближе к логову, тем больше скелетов.

Леонард присел возле нагрудника. За последний час это третьи останки человека. И у всех одна причина смерти – пробитая грудная клетка. Ничего интересного на поляне не обнаружилось. Лишь чуть поодаль, в зарослях, отыскал обломок меча. Леонард вернулся к лошади. Прислушался. В лесу мертвая тишина, только где-то вдали чирикала одинокая птичка.

Логово рядом.

* * *

Через час наткнулся на человеческие кости, разбросанные под толстым деревом с причудливым переплетением ветвей. Дикие звери и дожди еще не успели их выбелить и отшлифовать. Кое-где виднелись остатки плоти. Разорванные, словно бумага, латы валялись вокруг. Огромный двуручный меч вошел по середине лезвия в толстую ветвь, проткнул её насквозь. Владелец такого оружия должен иметь необычайную силу, чтобы просто носить его, не говоря о том, чтобы драться.

Спрыгивать с лошади не пришлось – вся трагедия как на ладони. Хитрый двойник гнал человека, как зверя, сквозь лес к логову. Жертва сама себя принесла на ужин монстру. Иначе, зачем тяжеловооруженному воину бродить по лесу?

Леонард вынул из ножен серебряный меч. Двойники охотились по ночам. Как говорили поверья, чтобы не видеть собственного отражения в каплях воды. Но за время работы пришлось убедиться, что из правил бывают исключения. Потому оружие на изготовке лишним не будет. Эти твари настолько быстрые и проворные, что даже подготовленного и ждущего нападения человека способны застать врасплох.

Он тронул лошадь и тут приметил нечто серое, мелькнувшее среди крон деревьев. Пригнулся, пытаясь пробиться взглядом сквозь пелену листьев. Конь сделал пару шагов, и всадник разглядел башню Рассвета.

Высокое сооружение времён войны Семнадцати. Строились такие башни магами и не имели входа в обычном понимании. Единственное отверстие – окно на самой вершине. Попасть внутрь можно лишь при помощи зелья левитации, которое и сегодня стоило сумасшедших денег, а в те времена выдавалось по дозволению императора. Башни Рассвета не поддавались разрушению, потому и смогли пережить не только войну, но и несколько поколений людей. Ходили слухи о несметных богатствах, спрятанных там. Леонард не верил в эти рассказы. Башни изначально строились для оповещения о приближении врага. Наблюдающему, как гласила история, стоило лишь разбить специальный флакон о стену, и башня начинала светиться зелёным огнём, видимым за много-много миль вокруг.

Та война многое изменила в жизни семнадцати стран: некоторых не стало, а другие заметно подвинули границы. Подавляющее большинство башен оказались не у дел и были заброшены.

Вскоре Леонард выехал на большую поляну. Деревья по краям стояли, будто солдаты в строю – не возникало сомнений, что здесь поработал маг. Башня Рассвета высокая, как скала, и тонкая, как мачта, упиралась в облака, словно поддерживала небесный свод. Более идеального места для логова двойник выбрать не мог. Многие мили открывались острому зору монстра с верхушки этого строения. А специфическая конструкция обеспечивала королевскую безопасность.

Леонард подъехал к массивному основанию, потрогал гигантские булыжники. На первый взгляд камни и камни – ничего особенного, но поверхность их оказалась склизкая, будто рыба чешуя. Эта слизь и создавала обман зрения, делала башню невидимой издалека.

Он объехал основание кругом, внимательно всматривался в камни. С одной из сторон на стыках увидел небольшие зазоры. «Трещина» шла от самого низа до тех пор, насколько хватало глаз. То ли маг не досмотрел, то ли не захотел исправлять, решил, что строение и так простоят тысячелетия. Именно эта особенность сооружения позволила двойнику найти идеальное логово.

Леонард задрал голову, посмотрел на вершину. Где-то там сидело одно из самых страшных существ. Плотоядное отродье, бывший человек.

Маги создавали мощное средство убийства противника на поле брани, а получили всепоглощающую смерть. Помимо быстрой регенерации ран от обычного оружия двойники имели иммунитет к магии.

Леонард уверен – тварь заметила его ещё вчера. Иначе бы уже напала. Увидев, что жертва сама идёт в лапы, попросту ожидала удобного момента.

Из всех монстров, порожденных магией, самые страшные – двойники. Но именно их он убивал с особенным, ни с чем несравнимым наслаждением.

Покружил по окрестностям в поисках полянки, где мог бы устроиться. Нашёл несколько скелетов. От одного остался лишь череп, да пара рёберных костей, а второй лежал рядом с пепелищем от костра.

Судя по всему, двойник в этих краях жил давно. Лет пять, а может и больше. Поблизости нет населённых пунктов, монстр охотился лишь на путников – потому и смог оставаться незамеченным столько лет.

Солнце начало клониться к горизонту. В кронах зашуршал лёгкий ветерок. До ночи несколько часов.

Наконец Леонард нашёл подходящее место: небольшая полянка. Вокруг плотной стеной росли деревья, в некоторых местах между ними не смог бы протиснуться и человек.

Спрыгнул с лошади, амулет от хищного зверя холодил грудь. Неспешно сгрузил снаряжение и еду, расседлал коня. Погладил по холке, а затем со всей силы ударил ладонью по крупу. Верный спутник во всех путешествиях радостно заржал и скрылся в чаще.

Двойники относились к монстрам, которые сохраняли большинство человеческих качеств. И обычно понимали, что в первую очередь необходимо убить коня – чтобы жертва не смогла убежать. Судя по тому, что пришлось увидеть, монстр из башни Рассвета сообразителен и опытен – вдвойне опасный противник.

Конь обучен откликаться на свист. А если человек погибнет, то хоть ни в чём неповинное животное останется цело.

Леонард собрал хворост, разложил костёр, но разжигать не стал. Принялся за создание защитного круга, чтобы двойник не застал врасплох. Единственная магия, которая действовала на этих тварей – магия сдерживания. Именно благодаря ей, чудовищами поначалу удавалось управлять.

Он начертил палкой круг, произнёс длинное заклинание. Несколько минут просидел с закрытыми глазами. Достал из маленького мешочка на поясе семь сухих и сморщенных головок чеснока. Разложил по кругу в тех местах, где проходила линия. После лег на бок, под голову примостил сумку с едой, а укрылся походным плащом. Крупного зверья бояться не стоило, двойник его давно уничтожил, а мелкое и само боялось человека.

Отдых перед серьёзным делом необходим. В последний раз, когда сражался с двойником, монстр сломал серебряный меч и Леонард чудом сумел распороть ему брюхо. А после семь часов просидел на верхушке дерева, ждал, когда тварь сдохнет. Двойник же пытался взобраться вверх, убить обидчика. Помешали запутавшиеся в нижних ветвях кишки.

* * *

Рядом с головой зашуршало. Леонард открыл глаза. Темно. На небе яркими свечами горели звезды. Луны не видать – значит стемнело недавно. Рядом с головой возилась маленькая тень. Фыркала и тяжело посапывала. Леонард вытащил из-под плаща руку, погладил храброго зверька по грубой щетине. Вместо того чтобы свернуться, ёжик возмущённо фыркнул и усерднее завопил в траве.

Леонард сладко потянулся. Скинул плащ и поднялся. В лесу стояла абсолютная тишина. Жуткая, гулкая, сводящая с ума. Двойник уничтожил всё живое в округе. И только смелый ёж фырчал и возился в траве под ногами. Леонард присел на корточки. Несколько минут искал в вещах кремёнь и огниво. Развёл огонь. Когда по поляне разлился слабый свет пламени, ёжик зашуршал по траве и скрылся в чаще. Без него стало тоскливо и одиноко. А главное страшно. Словно крохотное существо могло защитить от зла, созданного людьми против людей.

Леонард достал из сумки полбуханки черствого хлеба и головку сыра. Воды во фляге осталось мало. Перед тем как ложиться спать следовало поискать ручей. Решил не расстраиваться. Если двойник одолеет, то вода не понадобится.

Хлеб громко хрустел на зубах. Сыр оказался безвкусный. Воду допил всю. Пустую флягу кинул обратно в мешок. Из-за верхушек крайних деревьев показался нарождающийся месяц. Костёр потрескивал, заглушал гулкую тишину.

Двойник медлил.

От нечего делать Леонард принялся точить меч из стали. Серебряный клинок до прихода монстра доставать не стоило. Бывали случаи, когда твари, заприметив такое оружие, сбегали в другие земли. По пути, естественно, сеяли страх, панику, смерть и, что самое худшее, таких же монстров. Проблем от не вовремя оголённого серебряного меча могло быть неимоверно много.

Вдали ухнула сова. Залётная или очень шустрая, раз до сих пор жива. Месяц завис над головой. Лезвие уже стало настолько острое, что можно бриться.

А двойник медлил.

Закралось сомнение. А был ли он вообще? Леонард мысленно пробежался по тем свидетельствам на которые натолкнулся за последние два дня. Ошибки быть не могло. В этих местах точно водился монстр. И жил здесь долго. А башня Рассвета лучше всего подходила для логова. По крайней мере Леонард бы выбрал именно её местом пристанища. Оставалась крохотная вероятность, что двойника убили совсем недавно. История знала случаи, когда неподготовленные люди, без серебряного оружия расправлялись с этими тварями, сами не заразившись. Но это были сумасшедшие приступы удачи, такие улыбаются человеку лишь раз в жизни.

Месяц клонился к закату, скоро рассвет. А двойника нет. Леонард уверился, что монстр не появится, кто-то опередил и убил его раньше. Подкинул в костёр последний хворост. Широко зевнул и собрался лечь поспать.

– Здравствуй, любимый, – раздался за спиной голос, который он узнал бы из миллиона.

У Леонарда на мгновение прекратило биться сердце. Во рту пересохло, в груди похолодело, руки затряслись, будто после тяжёлого запоя. За пять лет он привык к любым сюрпризам от этих тварей. Кроме сокрушительного удара ниже пояса.

Медленно, словно боялся спугнуть мираж, повернулся всем телом. Перед защитным кругом стояло отродье из ночного кошмара, которому, вопреки логике, нашлось место под солнцем. Когда-то золотистые волосы местами вылезли, оставшиеся клочки походили на старую половую тряпку. Черты некогда прекрасного лица заострились. Зубы отросли, превратились в клыки. От белого подвенечного платья остался кусок серой ткани. Конечности перестали быть человеческими: руки заканчивались мохнатыми лапами с одним огромным шипом, способным пробить любой доспех; вместо ног из тазобедренных суставов росли шесть паучьих конечностей с когтем на концах. Благодаря им двойник поднимался и спускался по башне, а также мог передвигаться быстро и бесшумно.

– Здравствуй, – Леонард почувствовал, как предательская слезинка защекотала правый глаз.

– Сколько лет прошло? – двойник присела на землю, подложив все шесть лап под себя. Её кожа выглядела, как снег, а глаза поблёскивали при определённом повороте головы. Словно кошачьи.

– Пять. В этом году будет пять, – он опустил глаза. Чувствовал, что чем дольше будет смотреть, тем сложнее окажется убить.

– Пять лет! Как живешь? Всё также делаешь чучела на заказ? Ты здесь на медведя охотишься? – двойник поглядела на звёздное небо. – У тебя наверно семья есть... дети...

Леонард спрятал лицо в ладонях и несколько секунд молчал.

– Нет, – выдавил с трудом. – После твоего... я не женился.

– Отчего же?

– Я отправился искать ту тварь, что убила тебя, – он потянулся за серебряным мечом, положил к себе на колени. – А потом... потом начал убивать этих тварей за то, что они лишили меня... тебя, – потянул за рукоять, отблески костра заиграли на лезвии.

– Значит не на медведя, – голос бывшей возлюбленной не изменился, она, казалось, и не заметила угрозы. – Из-за меня ты начал убивать и меня же теперь хочешь... убить? – вздохнул двойник.

– Ты монстр! – Леонард чувствовал фальшь в словах. Они были чужие.

По левой щеке пробежала слеза, капнула на руку и скатилась в траву. Последний раз он плакал пять лет назад. Когда думал, что больше не увидит возлюбленную.

– А я ведь просто пытаюсь выжить, – дрогнул голос двойника. – Ушла подальше от людей, чтобы меньше убивать, но... Ты не знаешь, что такое голод!

– Это не настоящий голод. Это магическое наваждение, чтобы ты убивала.

– Я знаю, – грустно улыбнулась она. – Я когда-то была такой же как ты. С двумя ногами, руками и... красивая...

– Ты чудовище! – собрал он волю в кулак и поднял голову. – И ты уже не та, которую я любил, – выдавил из себя слова, тогда как сердце говорило совсем другое.

В свете догорающего костра Леонард впервые увидел слёзы в глазах двойника. Захотелось, как и прежде, обнять и утешить.

– Все эти годы я просила небо о нашей встрече. Память о тебе, единственное, что грело мою душу в этом лесу. В этих проклятых и холодных стенах башни. Но... Ты прав, – она опустила голову. – Я чудовище, если пять лет ждала чуда.

Леонард почувствовал, что действовать надо немедленно. Словно молния, вскочил. Занёс руку назад, чтобы колющим движением пробить монстру грудную клетку.

И заставить навсегда замолчать сердце.

* * *

Леонард завязал мешок с покупками. Ему не терпелось выйти из душной лавки. Окна хозяин помещения не открывал, боялся сквозняков.

– Четыре золотом, – полненький торговец пригладил тонкие усики. – Да и за прошлый раз доплатить десять серебром неплохо бы.

– Точно, – Леонард раскрыл кошель и высыпал на прилавок содержимое. Четыре золотых и семь серебряных. – Три буду должен, – подвинул деньги. Пустой кошель привесил обратно на пояс.

– Отлично, – расплылся в улыбке торговец. – Для хорошего человека не жалко. Кстати! – спохватился он. – Вы же, насколько я знаю, шкурами занимаетесь? Чучела хищников делаете? Медведи там, тигры и прочие опасные твари?

Леонард кивнул.

– Страшный вы человек! – с уважением посмотрел торговец. – Ходить на таких зверей, да в одиночку...

– Ближе к делу, – перебил покупатель.

– Дочь росомахи хочет. Живую. Точнее самца и самку, чтобы...

– Росомахами не занимаюсь. Тем более живыми, – оборвал Леонард. – В городе есть множество ребятни, которые вам с удовольствием их поймают.

– Ребятня притащила полуживого зверька, который через день издох! Зачем мне такое?! А если вы принесёте самца и самку, то я вам прощу три серебряных и кое-чего дам! – загадочно улыбнулся торговец. – Смотрите, – поспешно нырнул под прилавок, и через миг вынырнул с пузырьком фиолетовой жидкости. – По себе знаю, как работает! Опробовал! – хозяин лавки хитро подмигнул. – Новое изобретение столичных магов! Пол флакона себе, пол жене и на неделю... – закатил глаза. – Как в семнадцать лет!

Леонард открыл рот, но торговец поспешно перебил:

– Я не видел вашу жену, собственно, как и никто в городе, но уверен, что она самая красивая женщина в мире! Однако поверьте, если вы обновите ваши чувства, даже на неделю, то выиграете много! Отличная магия!

Леонард закинул мешок на плечо. Внутри грекнули металлические рейки, которые вскоре должны превратиться в каркас для чучела. Подошёл к выходу.

– Ну так как? Договорились? – не сдавался торговец, дочь видимо допекла попрошайничеством.

– У тебя подобие магии. А настоящую ты с женой, наверное, и не испытывал. – Леонард открыл дверь. – Три серебряных отдам в следующий раз, – вышел из лавки.

Послесловие автора:

Этот рассказ участвовал в одном из сетевых конкурсов и вызвал волну вопросов: убил он её или нет?

Поэтому хочу сказать, что этот рассказ является своеобразным экспериментом, призывающим читателя задуматься над интеллектуальной составляющей книг, которые мы читаем. Прочувствовать на себе, как бывает тяжело «включить» мозги, после того, как они привыкли отдыхать.

Вся первая часть рассказа состоит сплошь из фантастико-фэнтезийных шаблонов и рассчитана на усыпление внимания читателя, который погружается в мир, вместе с героем собирается убить монстра. Однако, никакого интеллектуального наполнения эта часть не несёт.

Последний же абзац, наоборот, рассчитан на внимание, способность замечать и анализировать детали.

«...Вы же, насколько я знаю, икурами занимаетесь? Чучела хищников делаете? Медведи там, тигры и прочие опасные твари?

Леонард кивнул.

– Страшный вы человек! – с уважением посмотрел торговец. – Ходить на таких зверей, да в одиночку...»

Первый намёк. Любой охотник вам скажет, что на тигра и на медведя ходить с мечом, луком, арбалетом и прочим колюще-режущим оружием – это к собственной смерти. Герой, конечно, убиватель монстров, поэтому смотрим дальше...

«...Дочь росомаху хочет. Живую. Точнее самца и самку, чтобы...

– Росомахами не занимаюсь. Тем более живыми»

Второй намёк. Тигров и медведей, он, значит, убивает, а какую-то росомаху поймать не может? А может просто для того, кто убивает тигров и медведей, росомаха мелкая дичь?

«Я не видел вашу жену, собственно, как и никто в городе»

Третий намёк. Все знают, что у него есть жена, но никто её не видел. Странненько. А, может, потому и не видел, что это монстр, который способен убивать тигров и медведей?

Именно поэтому герой и отказывается от предлагаемой ему «виагры». Он знает, что такое настоящая любовь...

Бешеный Пёс Динго

Человек в скафандре шагнул в сочную зелёную траву. Чужое светило играло бликами на посадочном модуле. Под голубым небом раскинулся загадочный мир.

Мир деревьев.

Для посадки Антон выбрал одну из редких полянок. Ему хотелось открыть шлем, но предварительный анализ атмосферы показал перенасыщение кислородом.

В выпускном классе школы он начал вести свой Прямой Канал. Спустя пять лет его детище набрало невероятную популярность. Аудитории он стал известен как Бешеный Пёс Динго. Члены рабочей команды за глаза называли его матерной рифмой к слову Антон. А иногда просто Гондурасом.

Антон бодро шагал по упругой траве, когда из динамика раздалось:

– Гроза. Гроза. Я Буран. Как слышно? Приём.

– Ты не Буран. Ты баран, – рыкнул репортёр. – К трансляции готов? Если ещё раз сорвётся, станешь безработным.

– Смотри, как интересно, – задумчиво ответил помощник. – Буран рифмуется со словом баран, а гроза со словом коза. Как думаешь, это совпадение?

– Работаем, болван! – чуть повысил голос Антон. – Не забудь включить переводчик, как в прошлый раз.

Лёгкий ветерок доносил шёпот листьев. До границы опушки оставалось совсем чуть-чуть. Слева чернело пятно выжженной земли – след от посадки предшественников.

– Начинаем, – донесся голос помощника из динамика. – Айн, цвай... наливай!

– Доброе время! С вами Бешеный Пёс Динго и новые шокирующие факты из жизни обитаемых планет.

Внутренняя камера снимала лицо репортёра, четыре наружных создавали панорамный вид. Корабль на орбите получал запись. Спустя тридцать секунд, после обработки помощником, она транслировалась через Прямой Канал.

– Я нахожусь на Отау, и сейчас мне предстоит встреча с деревьями-людоедами, – ветви уже нависали над головой репортёра. – Вот-вот они меня схватят. Я могу спалить тут всё, но тогда мы не пообщаемся с аборигенами. На всякий случай приготовлюсь.

Антон повернул кольцо на левом запястье. В динамике шлема щёлкнуло – огнемёт приведён в боевую готовность. На тыльной стороне ладони появился язычок пламени. При сжатии кулака огонь вырывался на двести метров. Он направил руку на ближайшее дерево. В этот момент ветви резко опустились, и, словно лианы, опутали его конечности, а самая толстая сдавила грудь. В следующий миг репортёра оторвало от земли. Огнемёт прекратил работу – помощник отключил его дистанционно. Антона затянуло в чащу. Деревья бережно передавали его. Наконец одна из веток обвилась вокруг его запястий. Репортёр повис среди четырёх мощных стволов. На каждом из них угадывались лица, состоявшие из неровностей коры, наростов, дупл и щелей.

– Зачем ты угрожаешь нам огнём? – послышался глухой голос. Черты одного из деревянных лиц пришли в движение. – Мы не собирались причинять тебе вред.

– Про огонь оставь, про вред вырезай, – скомандовал Антон помощнику. В его репортаже не было места безобидным жителям этой планеты. Публике требовались монстры. – Вы убийцы и заслуживаете этого! – громко и чётко произнёс Бешеный Пёс Динго.

Лица деревьев замерли. Глаза-дупла расширились.

– До тебя здесь было мало людей, но никто не обвинял нас в этом, – брови коренного жителя сошлись у переносицы.

– Потому что они все мертвы! – Антон всматривался в глуповатые лица аборигенов. – Вы убиваете каждого, кто к вам прилетает? Или у меня есть шанс спастись?

– Ты можешь спастись, – губы аборигена двигались медленно. – Тебе ничего не угрожает.

– Про угрожает убери, – тихо сказал репортёр помощнику. – Вы убиваете гостей или едите живьём? – громко произнёс он. – Как вы будете меня делить? Сколько вас?

– Нас много, – ответило одно из деревьев. – Но мы не будем тебя делить.

– Значит, используете меня как удобрение.

– Мы не питаемся людьми.

Антон собрался скомандовать «Вырежи», когда из динамика раздался голос помощника:

– Полетели пингвинов или котят снимать. Они агрессивнее будут. Просмотры падают.

– Вырезай их последнюю фразу, – тихо произнёс Бешеный Пёс Динго. – Будут сейчас просмотры.

– Что ты шепчешь? – прищурилось одно из деревьев в тот момент, когда Антон закричал. Он попытался вложить в этот крик всю боль, страх, ярость и отчаяние, которые мог бы испытывать в этой ситуации, будь она правдива.

– Не на того напали! – выпалил Антон.

Помощник догадался дистанционно включить огнемёт. Репортёр сжал кулак. Мощная струя пламени подожгла ветви, удерживавшие его. Листва в кронах мгновенно превратилась в пепел. Бешеный Пёс Динго приземлился на ноги. Первым делом направил огнемёт в деревянные лица. Глухой вой разнёсся над планетой. Кричало не несколько деревьев.

Кричал лес.

Антон шёл в сторону посадочного модуля. Левый кулак сжат. Смертоносный огонь пожирал всё вокруг. Окружающая температура поднялась и ощущалась даже в скафандре. Земля дрожала от боли своих детей. Репортёр выбрался на поляну. Отошёл подальше от деревьев. Повернул кольцо на левом запястье. В динамике шлема щёлкнуло – пламя потухло.

Антон остановился и равнодушно посмотрел на умиравших в мучениях живых существ.

– С вами Бешеный Пёс Динго! И я снова жив! Не по зубам оказался деревьям-людоедам с планеты Отау! А людям здесь всё так же лучше не появляться. До встречи на Прямом Канале в следующем выпуске шокирующих фактов из жизни обитаемых планет!

Он развернулся и быстрым шагом направился к посадочному модулю.

– Гроза. Гроза. Я Буран, – раздалось в динамиках. – Просмотры зашкаливают. Ты как всегда неподражаем. Может, теперь поищем что-нибудь действительно опасное?

– Это мне решать, – огрызнулся репортёр. – Твоё дело – монтаж.

И перед тем как связь прервалась Бешеный Пёс Динго услышал слова пилота: «Забирай этого Гондураса, пока он всю планету не спалил».

Спящие

Слово автора:

Данный рассказ является оригинальным и законченным произведением из которого, в последующем, родился роман «Спящие».

В десять утра Вика проснулась. К одиннадцати позавтракала, перелистывая рекламу с канала на канал, пока не наткнулась на выпуск новостей. Центральной темой стал сюжет о беглом спящем в США. На западе их называли «зомби» и обвиняли в таких зверствах, на которые человек не способен. Так и в этот раз. Власти советовали жителям Агасты, штат Мэн, не выходить на улицу после наступления ночи. Спящему уже приписывали убийство двух бомжей и байкера. Правда, западные СМИ не удосужились объяснить, зачем ему вообще было убивать. Видимо решили, что большинство людей отвыкло думать и их достаточно напугать.

Вика выключила телевизор и подошла к шкафу. Прикусив нижнюю губу, критически оглядела вещи на полках.

С прошлой жизнью она решила покончить самым радикальным способом – устроиться на работу. Весь предыдущий день просидела в интернете, обзвонила понравившиеся вакансии. Однако о собеседовании договорилась лишь в загадочном спецхранилище. По телефону никакой вразумительной информации не дали, женщина сказала, что подобные вещи обсуждаются при личной встрече. И назначила время. Вика сразу согласилась. За ту зарплату, что обещали в этой организации, многие бы маму собственную продали. Были, конечно, подозрения, что это попросту очередной развод, однако интернет про это молчал.

Она надела белую блузку, черные расклешенные брюки, покрутилась перед зеркалом. На великолепной фигуре, ради которой палец о палец не ударила, а поэтому не ценила, этот офисный вариант сидел идеально. Возникла мысль сходить в парикмахерскую, прямые черные волосы отросли и отказывались красиво спадать на плечи. Удрученно вздохнув, собрала их в хвостик. В целях репетиции постаралась придать лицу миловидное выражение. Но, как ни старалась, а холодный взгляд серых, как бетонная стена, глаз все перечеркивал. Бросила эту затею и несколько раз крутнулась перед зеркалом. Сообразила, что закованная в блузку и брюки, как рыцарь в латы, начнет изнывать от жары через три минуты. За окном плюс двадцать пять. Сменила брюки на короткую юбку и минуты три разглядывала себя в зеркале. Черная юбка хоть и вполне официальна, но все же коротка для такого ответственного события, как собеседование.

«Сойдет, – решила она. – Высокий каблук, размалюю мордашку и все будет просто шик!»

Пока собиралась, вспоминала события последней недели, хоть и поклялась их забыть. Ссора с любым человеком, который из-за пристрастия к алкоголю, перестал быть любимым, выслушивание упреков с его стороны. А вдвойне обидно из-за того, что все упреки были правдой. Наверно поэтому Вика его и не простила, когда он протрезвел и извинялся.

В ушах до сих пор стояли его последние и самые обидные слова: «Целыми днями ничего не делаешь, разве тяжело мне хоть ужин приготовить?! Тяжело следить за собой? Тяжело краситься? А улыбаться вообще умеешь? А одежду кроме спортивных костюмов знаешь?»

* * *

Путешествие в душном метро навевало тоску. За последний год жизни, когда ее везде возили на автомобиле, Вика отвыкла от этого шумного подземного мира. Выбравшись на Библирево, она закрыла глаза и подставила лицо летнему солнышку. И несколько минут так простояла, наслаждаясь теплом и светом. Поездка в автобусе закончилась на северной окраине

Москвы, в Алтуфьевском районе. Одноименное шоссе встретило огромным количеством автомобилей и десятками людей, спешащих по важным и не очень делам. Тут и там виднелись разнообразные магазины и отделения банков. Пахло выхлопными газами, которые в жаркое время года чувствуются еще острее. На одном из газонов три алкоголика кричали и размахивали руками, явно что-то не поделили.

Жизнь кипела и бурлила, как и в любой московский четверг.

По карте гугла все выглядело легко: выйти из автобуса, пройти немного вперед и нырнуть во дворы, где отыскать тот самый спецхран. На практике же все оказалось сложнее. Пока искала нужное здание, два раза толкнули плечом, наступили на ногу, а из лужи обрызгала машина. В довершении пристала цыганка, предлагая снять венец безбрачия.

Отвязавшись от цыганки, Вика отыскала нужный дом. Спецхранилище напоминало формой приплюснутую и растянутую букву L. Отделанное голубыми панелями необъятное здание без окон и с единственным входом. Возле двери звонок – нажала. До слуха донеслась приглушенная казенная трель. Через минуту дверь, загрохотав запорами, открылась. На пороге стоял мужчина лет сорока, в черных брюках и зеленой рубашке, с надписью на кармашке «охрана». На поясе висели фонарь с рацией.

– Вы к кому? – его верхняя губа нервно подергивалась, отчего неаккуратно подстриженные рыжие усы походили на бьющегося в припадке ежика.

– Я по поводу работы. Меня на собеседование приглашали.

– Работы?! – переспросил мужчина, продолжая складывать из губ всевозможные комбинации. – На собеседование?! Ну, ну! – отошел в сторону.

Вика вошла в плохо освещенный коридор, обитый стальными панелями. В конце, словно лучик надежды в темном царстве безработицы, поблескивала хромированной поверхностью толстая металлическая дверь с ручкой лишь на внешней стороне. В сопровождении охранника она прошла в огромный зал, где с потолка лился голубоватый свет.

«Как в морге» – машинально отметила Вика, хоть никогда не бывала.

Больше половины ламп для экономии электроэнергии выключены, отчего в углах прятался сумрак.

– Вам туда, – указал охранник.

Изнутри спецхранилище выглядело по меньшей мере странно. Огромный холл, где без проблем могли втиснуться два грузовых вертолета, условно разделен на две части. В первой, меньшей, что по правую руку от входа, располагались вахта, овальное сооружение с тремя дисплеями и множеством кнопок, да несколько дверей в хозяйственные помещения и кабинет. На него-то охранник и указал. В противоположной стороне вдоль стен стояли хромированные столы-каталки используемые в хирургии, с единственным отличием, у этих – ремни, чтоб пристегивать лежащего. Дальше, в вертикальной палке буквы L, и располагался, как догадалась Вика, сам объект, за охрану коего и пообещали сумасшедшие деньги. В холл выходили два темных коридора. Вика всмотрелась, но тусклые лампочки едва-едва освещали утопленные в стенах решетки. Она сразу догадалась, куда попала, но поверить в это боялась.

В кресле за вахтой развалился второй охранник.

– Работать?! – приподнял он бровь и пристально осмотрел Вику. – Ну, проходи, – он лениво зевнул, словно обожравшийся сметаны кот.

Стук каблуков раздавался четко и громко. Охранники молчали, скрестив взгляды на ногах девушки и том месте, где спина называется по-другому.

В кабинете сидела женщина лет сорока, но старавшаяся выглядеть моложе. В одной руке сигарета, в другой глянцевый журнал. Нехитрая обстановка маленького кабинета состояла из трех стеллажей вдоль стен, внушительного стола, да кресла для посетителей. На стеллажах, заполняя любое мало-мальски свободное пространство, громоздились скоросшиватели и

бумаги. Когда Вика вошла, хозяйка закрыла журнал и, указав рукой на кресло, задала дежурный вопрос:

– Как добрались?

– Нормально, – пожалала плечами Вика и соврала. – Быстро нашла.

Женщина пристально на нее посмотрела.

– Хорошо. Не будем терять ни мое, ни твое время, – взяла она в руки инициативу. – Меня зовут Евгения Порфирьевна. И в первую очередь меня интересует, где вы учились?

– Московский государственный...

– Да-да, я вспомнила ваше резюме, – оборвала женщина. – Инженер-технолог? Здесь ваша специальность понадобится вам меньше всего. Где работали?

– Последнее место работы на заводе инженером-технологом, – Вика решила промолчать, что это ее единственное место работы. Да и то с него пришлось быстро уйти. Неприятно стало, что за спиной ее называли Волчком. Из-за фамилии, молодости и холодного взгляда серых глаз.

– Курите?

– Нет.

– Это хорошо, – Евгения Порфирьевна вытянула из пачки сигарету, чиркнула зажигалкой, на кончике затлел один из самых опасных наркотиков. Запахло ментолом.

– А спортом каким занимаетесь?

До этого Вика всего один раз проходила собеседование. На завод. Там давали заполнять тесты, бланки с вопросами. Чего-то подобного она ожидала и здесь.

– А это имеет отношение к работе? – неуверенно поинтересовалась она.

– Самое непосредственное, – Евгения Порфирьевна выпустила дым, и внимательно посмотрела на тлеющую сигарету, будто та могла дать ответы на все вопросы.

– Никаким, – выдавила Вика, прекрасно понимая, что ответ неверен. – Но я уже несколько лет хочу заняться какими-нибудь единоборствами. Хочется научиться себя...

– Фильмы ужасов любите?

– Не поняла.

– Фильмы ужасов любите? – Евгения Порфирьевна откинулась на спинку кресла.

– А здесь предлагается их смотреть? – попыталась свести все в шутку Вика.

– Хуже. Здесь предлагается в них участвовать. Значит, наша работа несколько... Неординарна. Не знаю, сталкивались ли вы со смертью... Надеюсь нет. Но наверняка знаете, что с недавних пор мертвые перестали... разлагаться, так скажем, и более того, начали оживать...

Вика знала об этом не только из телевизора, но и воочию столкнулась.

Первый случай «возвращения» произошел во Франции около пяти лет назад, когда вдова, открыв входную дверь, увидела, пятнадцать дней назад похороненного мужа. Этот случай распространили по всему миру, а виновника быстро спрятали с глаз долой. Но не прошло и месяца (ток-шоу и прочие времяпотерячные программы только начали триумфальное шествие по незаезженной теме), как на Сахалине тринадцатилетний сын вернулся через четырнадцать дней после похорон. Телевизор стало невозможно включить, чтоб не наткнуться на очередного профессора каких-угодно наук, объясняющего причину происходящего. И тогда, словно убив Цербера, мертвые стали возвращаться толпами. Каждый день по телевизору объявляли, что там-то вернулся мертвый, и там вернулся... В основном они вели себя спокойно – все помнили, слышали, могли говорить. Доходило до смешного, когда один из «воскресших» прозаиков закончил недописанную перед смертью книгу. У «Воскресших», как поначалу окрестили спящих, оживал мозг, а из всех систем начинали работать лишь центральная нервная и периферическая. Конечности же подвергались окоченению и двигались плохо. Пальцы, например, просто не могли взять ключи.

Не прошло и трех месяцев с момента прихода первого спящего, как мир захлестнула паника. В Австралии спящий убил всю свою семью. Следом такой же случай произошел в

Испании, затем в Канаде спящий напал на прохожих, потом в Китае. А потом волна нападений покатилась по миру. Началась всеобщая паника, именно тогда спящих и стали называть «зомби». Правительства всего мира в панике выдумали избавляться от трупов (от всех – «старых» и «новых») путем кремации, а кладбища, как таковые, ликвидировать. Однако впервые наука всерьез вмешалась в политику и не дала сделать такого опрометчивого шага. В проведенных исследованиях выяснилось, что спящими являются, по самым грубым подсчетам, каждый двадцатый. Организм у спящих разлагается, но медленно, вследствие высокого содержания неорганических веществ. Головы научного мира пришли к выводу, что это связано с напичкованной химией пищей, поставляемой на прилавки последние десятилетия. Оживает мозг... Этот вопрос и интересовал ученых больше всего. Четко установив невиновность пищи, они искали ответ, разрезая спящих, исследуя биографии и родословную вплоть до каменного века. Ответ не находился – был лишь результат: ходящие и разговаривающие трупы. Агрессивными же они становились спустя месяц-два после пробуждения, когда мозг, вследствие разложения, терял большинство нейронных связей и спящий превращался в мертвое и безрассудное создание.

В России был применен инновационный подход для изучения нового феномена – по всей стране создали Дома мертвых. Этот метод позже переняла Европа, а за ними и остальной мир. По новым российским законам умершего родственника разрешалось захоронить лишь спустя два года после смерти, а если тело начинало нормальным способом разлагаться, немедленно отдавали родным.

О спящих Вика узнала из телевизора. Больше всего это походило на «голливудских зомби» и ничего кроме недоумения не вызвало. Но вскоре, когда волна мертвых захлестнула мир, она увидела спящего.

В одно обычное утро, еще будучи студенткой, Вика собралась и вышла из дома. Открыв дверь, увидела у соседской мужчину. Закрyla свою, обернулась.

В лицо смотрел сосед, умерший пару недель назад. Парень двадцати семи лет с раком мозга «сгорел» очень быстро. Семья – двое маленьких детей и жена, боялись посмотреть в глаза на вернувшегося «кормильца», а Вика замерла не в силах ничего сделать. Владимир находился меньше чем в метре. Слегка наклонился вперед и не мигая, смотрел в глаза. Его кожа, контрастируя с черным костюмом, выглядела белее снега, в волосах застряли комья земли, из лица торчали щепки. Взгляд, подернутый пеленой непонимания, как у сумасшедших, будто проникал внутрь, исследуя каждую клеточку.

Чтоб уйти, пришлось бы прошмыгнуть в нескольких сантиметрах.

Чтоб зайти обратно в квартиру, пришлось бы повернуться, спиной.

Скованная страхом, Вика боялась вдохнуть, пока спускающийся выгуливать собаку сосед сверху, силой не выдернул ее. Владимир пронюхивал, как девушка ушла, и вновь начал звонить в квартиру, где жил.

– ...и как следствие сделали это, и много других, спецхранилищ, – закончила Евгения Порфирьевна.

– Знаю. Сталкивалась и воочию со спящими... Жуть. А я-то ломала голову, что за спецхранилище?! Ведь по телевизору их называют Дома мертвых. Со смертью сталкивалась, но тогда ФСПКС¹ не было.

– Вы боитесь мертвецов, крови? – переменяла тему работодательница.

– Не то, чтобы боюсь... – призналась Вика. – Но и в восторг не прихожу.

– Ясно, – кивнула женщина. – Как звать?

¹ ФСПКС – Федеральная служба по контролю спящих. Государственное подразделение, занимающееся всеми связанными со спящими вопросами. В их компетенцию входят такие вопросы как: нелегальные кладбища, самопроизвольные захоронения, выдача справок на разрешение для захоронения, борьба с подделками справок на разрешение для захоронения, поимка беглых спящих, борьба с укрытием трупов и другие.

– Виктория Волк.

– Замужем?

– Нет.

– Хорошая фамилия, – улыбнулась Евгения Порфирьевна. – Русская. Теперь о другом...

Вика просидела около часа, отвечая еще на миллион всевозможных вопросов, вплоть до того, есть ли права на вождение автомобиля и какой водительский стаж. Как большинство из рассказанных сведений могли пригодиться в работе, она не понимала, но за обещанную зарплату решила отвечать даже про оргазм. Если спросят.

Наконец опрос закончился. Будущая начальница достала из ящика стола карандаш с блокнотом и что-то в нем пометила.

– Так, – задумчиво постучала она карандашом по столу. – В принципе вы нам подходите. Посмотрим теперь... Стоп! Стоп! Я понимаю, что вы уже согласны. Только рано соглашаетесь. Предлагаю пройтись и посмотреть, чем вам придется заниматься. А вот потом и будете соглашаться. А то у меня тут каждый день по десять человек привлеченные зарплатой соглашаются, а как узнают, что надо делать, то сразу пропадают.

– Все так плохо? – насторожилась Вика.

– Все еще хуже, – мрачно ответила Евгения Порфирьевна. – Большие деньги просто так не платят. Пойдем.

Они вышли в холл, где сидел один охранник – тот, что открывал дверь.

– Это у нас, – Евгения Порфирьевна указала на вахту. – Пункт управления. Отсюда можно закрыть или открыть все двери данного учреждения, кроме этих двух, – указала на двери в кабинет и на улицу. – Если заметила, то на этих дверях ручки лишь с одной стороны. Сделано специально, – хитро добавила она. – Отсюда же связь с любыми спецслужбами. В здании установлено видеонаблюдение и палаты, как мы их называем, просматриваются. Но пойдем дальше. Вначале надо показать само хранилище, а к пультам управления мы вернемся.

Начальница, взяла на вахте запасные фонарь с рацией и повела Вику в один из коридоров. Чем ближе они подходили, тем явственней становился запах. Неприятный, щекочущий ноздри. Когда подошли ближе, и запах стал различимей, Вика поняла, что воняет гниением, но не так сильно как должно в подобном месте.

– Помещение отлично проветривается, – угадала мысли Евгения Порфирьевна. – В воздух с периодичностью в... – задумалась она. – В общем, выбрасываются реагенты от насекомых. А вахтеры-охранники требуются, чтоб выявлять разлагающиеся трупы.

Они прошли через огромный холл. Звук каблучков отдавался гулким эхо и тонул в глубине двух темных коридоров. В один из которых будущая начальница и повела Вику.

По обе стороны располагались зарешеченные комнаты. В каждой под потолком слабо-слабо горела лампочка, лишь настолько, чтоб освещать метр на метр в округе. Начальница подвела к первой же палате и остановилась у входа. Включила фонарь и обвела стены лучом. В желудке Вики противно заныло, а в голове, будто табличка перед глазами, повисла мысль: «Во что ты ввязалась?!»

Вдоль четырех стен располагались нары в несколько этажей, где лежали трупы. Крайние головы-ноги оказались не далее чем в нескольких сантиметрах от лица. Евгения Порфирьевна сочувственно посмотрела на новую работницу и сказала:

– Не беспокойся, привыкнешь...

– Боюсь, не привыкну, – Вика почувствовала мелкий озноб. – Наверно... слишком тяжелая работа для хрупкой девушки...

Евгения Порфирьевна несколько мгновений смотрела ей в глаза.

– Лишь глупые мужики и недалекие бабы продолжают думать, что женский пол слабый. Так было когда-то, а сейчас все с точностью до наоборот. В мире, постепенно, к власти при-

ходят женщины. Потому они должны не только быть сильнее мужчин, но и превосходить их в мужественности.

– Вы меня уговариваете? – Вика настороженно посмотрела на работодательницу, после перевела взгляд на трупы.

– Я тебе реалии этой жизни рассказываю, – в голосе Евгении Порфирьевны послышалась обида. – Я же работаю. Думаешь, мне не страшно было? Или я чем-то кардинально от тебя отличаюсь? К тому же не такая плохая работа за те деньги, что здесь платят. Многие за намного меньшие суммы тратят собственную жизнь на работу, которую всеми фибрами души ненавидят.

– А в чем заключается эта работа? – дрожащим голосом поинтересовалась Вика, уверенная, что при ответе «надо брать, перекладывать» и иное в этом духе, сразу уйдет. Здоровье и нервы гораздо дороже денег. Тем более ей детей еще рожать.

– Работа очень проста, – обнадежила начальница. – Ходить и смотреть.

– И все?!

– И все.

Вика посмотрела на «тюрьму трупов». Тела лежали на нарах кое-как, в одежде и без, лицом в сторону и лицом к выходу. Руки-ноги свисали поперек нар. А в центре как потухшее солнце над мертвой планетой, светилась лампочка.

– А на что именно смотреть?

– Смотреть, и выявлять трупы, которые безоговорочно можно хоронить. Если тело начинает разлагаться в обычном режиме, то мы его сдаем.

– Кому?

– Каждое утро из морга приезжает бригада, и увозят «отсеянные» тела, которые затем передаются родственникам для захоронения. В твои задачи будет входить обход и выявление таких тел.

– Но я понятия не имею о том, как оно начинается...

– Ничего, научишься, – поняла будущая начальница.

В луче фонаря, направленного на противоположный от входа столб нар, судорожно дернулась свисающая рука молодой девушки. Одета в короткую черную юбку и красный топик, она смотрела одним глазом на Вику. На месте второго зияла пустая глазница, по краям кровавая.

Евгения Порфирьевна заметила испуг Вики, положила руку на плечо.

– Не бойся. Такое часто бывает, – осветила виновницу. – Ведь совсем молодая... – немного помолчала. – Здесь полная автоматика. В палатах стоят датчики движения, срабатывающие на крупные тела. Они срабатывают, загорается свет. На панели управления включается сигнал и оттуда можно наблюдать за происходящим в палате. Решетка блокируется и спящий...

– А сейчас не заблокирована?!

У Вики на лице проступило столько ужаса, что Евгения Порфирьевна поспешила успокоить:

– Не бойся, это ничем не грозит. Они блокируются сразу, как срабатывает сигнализация. Обычно они открыты, так как иногда приходится заглядывать в палаты, удостовериться в правильности «диагноза», – Вика нервно сглотнула. – Магнитный замок, – Евгения Порфирьевна указала на черный кружок на стене рядом с решеткой. – Это если ты будешь внутри и сработает сигнализация. Не обязательно сразу панически кричать в рацию, что тебя заперли. Прикладываешь ключ, дверь открывается. Ключ один на все палаты.

Она с легкостью отодвинула решетку в сторону и сразу вернула на место.

– Твои действия в случаях обнаружения спящих – вызвать сотрудников ФСФКС. Ну, а на такие конвульсии не обращай внимание. Это не редкость. Мозг пытается ожить и не может.

– Почему?

– Если б знала ответ, то не сидела бы здесь, – начальница усмехнулась и добавила. – Пойдем дальше.

По обе стороны узкого коридора как пасти пещер с сетчатыми ловушками на входе, располагались проемы дверей. В каждой тускло горела лампочка. Глаза, привыкнув, смогли различать трупы.

– Идешь и заглядываешь в каждую палату, – продолжала учить Евгения Порфирьевна. – Внутри без крайней надобности не заходи. Подошла, оглядела, принялась и пошла к следующей палате. Так все двести сорок.

– Сколько?! – поперхнулась Вика.

– В каждом коридоре по сорок палат. Два коридора. Три этажа, – охотно пояснила будущая начальница. – А есть еще два подземных этажа. Там хранятся тела не ожившие, но и не разлагающиеся. Мы называем их отстойником. Но туда ходить не надо, – успокоила она. – Раз в месяц приезжают работники морга, они и занимаются тем, что определяют и относят трупы, которые не разлагаются, но и не «просыпаются» на нижние этажи.

Евгения Порфирьевна освещала палаты, а Вике казалось, что из какой-нибудь, отодвинув решетку, со злобным рычанием выпрыгнет покойник.

– Нет, – улыбнулась начальница, когда новая работница поделилась страхами. – Такого быть не может. Ты сама знаешь, что агрессивных спящих единицы. Ведь при пробуждении у них начинается, как при жизни функционировать мозг. Но перед тем как они окончательно очнуться, автоматика пятнадцать раз сработает. Могу заверить, что это процесс не быстрый.

– Жутко наверно, – поделилась Вика. – Живешь, живешь, умираешь, а затем просыпаться в таком месте.

– Наверно, – согласилась Евгения Порфирьевна. – Не хочешь очутиться в таком положении, умирай так, чтоб остаться без головы, ведь кремацию, как ты знаешь, запретили.

– Но зачем? Кому это нужно?

– Науке. Огромные перспективы нам в руки дает природа, осталось докопаться до истины и Мери Шелли превратиться из фантаста в предсказательницу... А вот и конец, – сказала она указав на грузовой лифт и пристроившуюся сбоку от него винтовую лестницу. – На этом лифте можно подняться вверх и спуститься на нижние этажи. Пойдем обратно.

Евгения Порфирьевна проводила до самого выхода.

– График работы сутки трое, оформление по ТК. Отпуск, кстати, сорок пять календарных дней. Я не буду требовать у тебя никакого ответа, – сказала уже на улице.

И напоследок добавила:

– Если решишься, то выходить тебе как раз завтра. Тогда с документами жду.

– Хорошо, – кивнула Вика. – До свидания.

– Пока, – вяло улыбнулась потенциальная начальница, перед тем как захлопнула дверь спецхрана.

Обратная дорога заняла намного меньше времени. По крайней мере так показалось. Путь до автобуса пролетел как одна секунда. Езда до метро и того меньше. Лишь когда поезд остановился в туннеле, ожидая пока следующий перед ним уедет со станции, Вика вернулась к реальности. Перед ней стоял выбор: огромная даже по московским меркам зарплата и страшная работа, либо поиск другой, обычной должности с обычным окладом.

До самого вечера она размышляла. Включила телевизор, но не видела, что там показывали. Ела и не чувствовала вкуса еды. Хотела позвонить маме, посоветоваться, но передумала. У мамы такой характер, что она все равно скажет: решай сама. Тогда какой смысл лишний раз ее тревожить.

Когда на улице уже стемнело, она приняла решение. Подсознание беспрерывно твердило: «Куда ты ввязываешься?!». Но прикинув, что можно купить на одну зарплату, скрепя сердце, откинула эти мысли. Ведь, в конце концов, надо лишь ходить и смотреть. Приниматься еще.

Конечно, угнетало осознание, что работать придется с мертвецами, но Вика решила, что уйти всегда успеет.

Ночью приснилось, что сидит на диване и смотрит телевизор, а рядом лежит девушка без глаза и дергает рукой. Во сне кажется нормальным иметь дома дергающийся труп. В один из моментов девушка перестает дергаться и медленно поднимается.

Проснувшись, Вика включила торшер и долго, пока сердце не успокоилось, сидела. Сон постепенно забылся и вскоре ничего, кроме последнего фрагмента, в памяти не осталось. Выключив свет, укрылась с головой, стараясь думать о приятном. Например, о большом поле красного мака и четырех друзьях, путешествующих через него.

* * *

Утром, когда автобус подъехал к нужной остановке, из сумочки донеслось веселое тили-линькание мобильного.

– Да? – ответила Вика спустившись по ступенькам.

– Балда! – раздался жизнерадостный голос Даши Данченко, одноклассницы и лучшей подруги. – Как дела?

– На работу устроилась, – рядом громко засигналила машина. Вика вздрогнула и обернулась. Автобус стоял на остановке и в него заходили люди. А ему сзади сигналил выходец с южных рубежей России на старой, как ковчег, бордовой «пятерке».

– Что-то у тебя там шумно. Неужели едешь на нее?!

– Уже приехала, – Вика юркнула в проулок, который и должен был вывести к спецхрану. На несколько секунд в трубке повисла тишина.

– Ну чего молчишь?! Рассказывай, куда устроилась! – наконец не выдержала подруга.

– Да так... Ничего особенного. Обычная такая рядовая должность. В общем, ничего интересного.

– Ты мне вот тут заканчивай выделяться? – строго, словно мать дочери, сказала Даша. – Давай четко и по порядку. Куда устроилась?

– Четко и по порядку? Ладно. Устроилась в спецхранилище. – Вика посмотрела на голубое небо. День обещал быть отличным, угнетало лишь то, что сутки придется просидеть в закрытом помещении рядом с трупами способными ожить.

– В спецхранилище?! Что за спецхранилище?

– Дом мертвых. Слышала?

– Ты устроилась в дом мертвых?! – воскликнула Дарья. – Кем?

Виктория объяснила, а подруга, даже не перебивая, выслушала. Когда рассказ закончился, заговорчески спросила:

– Платят-то хоть достойно за такую работенку?

Вика назвала сумму, после чего последовала пауза в полминуты.

– Правда?! – наконец выдавила Даша.

– Правда.

– За то, что просто ходить и смотреть?! Хотя я б наверно не смогла. Бррр... Нет я б точно не смогла. А ты?

– А я уже подошла к работе.

– И я... подъезжаю, – зевнула Даша. – До меня доходили слухи, что в дома мертвых не так-то просто устроиться. Что там жесткий отбор, к тому же надо быть врачом и желательно со связями...

– Но я-то устроилась! – добавлять «по идее устроилась» она не стала. Сказала же Евгения Порфирьевна, что решишься работать – приходи с документами.

– Повезло, – констатировала подруга. – Ладно, давай, пока. Вечером созвонимся.

– Я вечером работаю.

– А, точно. Ну, тогда завтра. Расскажешь о новой работе. Присмотри там, кстати, симпатичного спящего. Может, роман с ним закручу, а то на горизонте давно никого.

– Обязательно присмотрю, – ответила Вика, а затем добавила. – На горизонте бы давно кто-нибудь появился, но у тебя на лице написано «мне от тебя нужна лишь машина».

– Да ну тебя! Ничего ты не понимаешь в этой жизни! Давай, пока. Я приехала на работу.

– До завтра, – попрощалась Вика, нажимая кнопку звонка.

Дверь открыл, тот же мужчина, что и вчера. Несколько минут разглядывал новоиспеченную коллегу, а после улыбнулся и сказал:

– На работу? Ну, ну!

В холле ждала Евгения Порфирьевна. Второй охранник что-то ей рассказывал. Когда вошла Вика, разговор стих.

Начальница с ног до головы осмотрела подчиненную. Явно не ожидала увидеть ее в коротеньких шортиках, маечке, больше открывающей, нежели скрывающей, да босоножках на высоком каблуке.

– Пойдем, – вздохнула она. А глаза кричали: «Для кого ты вырядилась?!»

Второй охранник не ответил на приветствие. Вытаращенными глазами, даже не стесняясь, рассматривал новую сотрудницу спецхрана.

В кабинете скучал молодой человек, по виду студент. Вылинявшие джинсы, старая майка, длинные стянутые в хвостик волосы, на коленях книга.

– Руслан, – представила парня Евгения Порфирьевна. – Твой напарник. Работает почти год, и научить кое-чему сможет. – Взяла со стола черный пакет. – Виктория, – представила девушку. – Давай документы, я тебя пока оформлю, когда понадобится – позову. Здесь, – протянула пакет. – Униформа, рация, фонарик. Руслан покажет твой шкафчик в раздевалке. Переодевайтесь и заступайте на дежурство.

– Ясно, – ответил новый коллега и, поднявшись, окинул взглядом напарницу. Затем еще раз окинул. Задержал взор на лице, всмотрелся в глаза и, наконец, спросил:

– Идем?

– Идем, – неуверенно ответила Вика.

Раздевалка находилась позади вахты, рядом с туалетом, и имела ручки с обеих сторон. Внутри двадцать шкафчиков, да пяточок свободного пространства, где мог втиснуться лишь один человек.

«На раздевалке сэкономили, – подумала Вика, переодеваясь в темно-непонятного цвета юбку и зеленую рубашку, – А в холле, хоть аттракционы устанавливай!»

О сменной обуви она сообразила, когда надела служебную форму. Работать босиком не решилась – неизвестно, что здесь с чистотой, а также как отреагируют другие. Нехотя натянула босоножки.

«Мало того что сутки рядом с мертвецами, так еще и на шпильке» – удрученно подумала Вика.

Следом переоделся Руслан. Предыдущая смена, совершенно не утомленные сутками дежурства, сдавать обязанности не спешили. Вскоре выяснилось из-за чего.

Противной, казенной трелью зазвонил звонок. Один из охранников отправился открывать, а второй взял стол-каталку и повез к выходу.

– Теперь это наша вотчина! – сказал Руслан, указывая на освободившуюся вахту. Вика уступила ему место во главе и присела на второй стул.

Стол-каталку вскоре привез высокий, плечистый санитар в белом халате. Напарник, коренастый парень лет двадцати пяти, шел позади с настолько скучающим видом, будто миллион первый раз пересматривал фильм. Замыкали шествие охранники.

На каталке, друг на друге, лежало два тела. Мужчина, в джинсах и светло-зеленой футболке, а также обнаженная женщина с огромным швом на груди. Открытые глаза у мужчины создавали впечатление, что он просто прилег отдохнуть.

– Свежак привезли, – усмехнулся Руслан. – Сегодня надо за ними особенно проследить. Женщина вряд ли спящая. Умерла во время операции, а вот мужик... У него все признаки спящего.

– А что им лень было два стола взять? Или трупам уже все равно?! – проводила Вика взглядом санитаров.

– Вообще-то именно так, – хмыкнул напарник. – Ничего, привыкнешь. Да и сама начнешь так делать.

– Вряд ли. У меня все же есть уважение к покойным!

– Пока есть, – поправил Руслан. – Пока ты с ними не работаешь, оно у тебя есть. С сегодняшнего дня оно начнет теряться. И, кстати, с чего ты решила, будто они покойники? Видела, у женщины кожа побелела, а в некоторых местах посинела? Это первые признаки разложения. Еще у нее разгладилось лицо, хотя по морщинам на теле видно, что лет ей этак за сорок. У мужика ж ничего подобного не наблюдается. Будто спит с открытыми глазами... Сейчас посмотрим куда их положат.

Руслан понажимал кнопки, на одном из экранов появились санитары. Напарники пронаблюдали, куда завезли вновь прибывших.

– И сколько в день привозят?

– Двоих – троих. Потолок – пятеро.

– Так мало?! – сопоставила размеры Вика даже побоялась представить цифру ежедневно в Москве умирающих.

– Начнем с того, что в морг передаются все тела. Те, которые начинают разлагаться передаются сразу в ФСПКС. Те, что не разлагаются нормальным образом, отправляются к нам. Мы прикомандированы к району Алтуфьево, – пустился в пояснения напарник. – В моргах, естественно, не дураки сидят и вполне могут распознать потенциального спящего. У нас в универе и предмет новый ввели: «Распознавание спящих».

– А ты на медика учишься?

– На хирурга, – ответил Руслан. – Три года еще тарабанить. Так вот, в итоге сюда довозят тех, кто может очнуться. Например, не найти здесь тела с повреждением головного мозга, или без головы. Нет стариков и маленьких детей – они не могут быть спящими. Лишь люди от десяти до пятидесяти. Редко оживают с оторванными конечностями. И самое интересное... Почему-то бомжи и сумасшедшие не оживают вовсе, а вот среди зажиточного класса чуть ли не каждый первый спящий.

– А куда их девают потом?

– По-разному. Если человек при жизни имел обширные знания в какой-то области, то эти знания из него «выкачивают», – посмотрел на напарницу и пояснил. – В смысле заставляют записать или каким-то образом сохранить. Если человек серость, как мы с тобой, то исследуют. Разрезают, ставят эксперименты... Все такое в общем.

– Страшно, – сказала Вика. – Живешь, живешь... А потом тебя разрезают, эксперименты ставят...

– Наверно страшно, – согласился Руслан. – Я сам недавно на практическом занятии «Распознавания спящих» препарировал девушку. Под поезд попала и... В общем ниже груди у нее ничего не осталось. Так она еще и очнулась, а затем ко мне на стол попала. Я вскрывал грудную клетку, а она лежала и смотрела. Дошел до головы, оживилась... – он тяжело вздохнул. – Шепнула «быстрее». Если б не грозило исключение никогда б не притронулся к спящему.

Вышли санитары с охранниками. На столе-каталке лежало тело. Когда проезжали мимо, Вика заметила черно-бурые пятна на лице покойника.

– Типичный пример трупа, который залежался и долго оставался незамеченным, – услужливо пояснил Руслан, хотя Вика и сама поняла – запах остался мерзкий. – Скажу по великому секрету, – он хитро подмигнул. – Что среди тех гор трупов, что там навалены, очень тяжело высмотреть разлагающийся, потому чаще всего приходится полагаться на обоняние. Идешь, приноживаешься. Почувствовала запах – запоминаешь номер палаты, а утром сообщаемь этим молодцам. Там они и без тебя вычислят, какой уносить, а какой пусть полегит. Они вышли? Вышли. Что надо сделать? – ответа не дождался. – Нажми вон ту кнопку, включи датчики движения.

Начался первый рабочий день.

* * *

Первым делом Руслан рассказал, как пользоваться пультом управления. Среди нескольких десятков кнопок запомнились лишь две – кнопка аварийного закрытия всех дверей и кнопка вызова спасателей. После Евгения Порфирьевна вызвала к себе, подписать с десятка различных бумаг, среди которых оказалась и подписка о неразглашении.

– А это зачем? – поинтересовалась Вика.

– Обычная бюрократия, – отмахнулась начальница.

Руслан пояснил новой напарнице, что по правилам полагается делать обход шесть раз: три днем и три ночью, но на деле ночью никто и никуда не ходит. Делают три обхода днем, а по ночам, как и полагается людям, спят. Утром, до приезда санитаров, обход и смена закончилась.

– Вряд ли у меня получится заснуть рядом с таким количеством покойников, – призналась Вика.

Охранники спецхрана сидели за вахтой, пили кофе. Евгения Порфирьевна безвылазно находилась в кабинете.

– Сможешь! – ободрил напарник. – Я так же думал первый раз. Скажу честно – действительно половину ночи не спал. Потом привыкаешь.

– Осознание, что рядом лежат покойники способные ожить... Несколько страшит. Куда там спать?! Да, да, – остановила Вика пояснения. – Евгения Порфирьевна говорила, что здесь полная автоматика. Да и сами спящие обычные люди. Поначалу.

– Если кто-то очнется, тут запищит, – указал Руслан на пульт. – И в любом из случаев не прозеваешь.

– Зачем тогда два охранника да с такими зарплатами?

– А ты бы согласилась работать здесь одна за мизерные деньги? – в свою очередь поинтересовался напарник. – Я лично б ни за что. Тут иногда такое увидишь... Три ночи потом уснуть не можешь. Я мертвецов полюбил. Честно! Они мертвы, понимаешь? Эти же, – махнул в сторону темных коридоров. – Живы! Какая-то странная и непонятная нам сила возвращает покойников к жизни. И они, когда «просыпаются», понимают это. А теперь представь, на что способен мертвый человек? Отсюда и требования безопасности. В случае чего ты связываешься со мной по рации. Например, погнался за тобой спящий...

– И такое, может быть?! – вздрогнула Вика.

– В теории да. На практике маловероятно, – успокоил Руслан. – Здесь потому и не требуется роты спецназа, что всю работу выполняет автоматика. Вскоре, как мне кажется, и двух охранников будет много. Кстати, год назад, когда я пришел сюда, смена состояла из четырех человек.

Так молодые люди болтали все утро. Праздное времяпрепровождение, когда за это платят не малые деньги. Вика была настолько счастлива, будто три миллиарда нашла, а не на работу устроилась.

Руслан ясно и доходчиво, объясняя по несколько раз, повторил, как пользоваться пультом управления. Самым тяжелым стал журнал учета. Требовалось прочитать штамп, что ставили на ногу трупа, внести в электронный журнал, не забыв указать номер палаты. Простенький компьютер, встроенный в пульт управления, постоянно подглючивал и зависал, потому элементарное на первый взгляд действие оказалось не так-то и просто.

В одиннадцать Руслан сказал:

– Пора идти на обход. Значит: сейчас, вечером и завтра утром, пойду я. Не будем тебя шокировать и пугать в первый раз, потому пойдешь днем. Договорились?

– Да. Естественно, – поспешно согласилась напарница.

И тихо добавила:

– Хотя какая разница?! Все равно ведь время лишь по часам видно.

Руслан, взял фонарик с рацией, хитро подмигнул и отправился в ближайший из коридоров. Вика, переключая камеры, наблюдала, как он шел строго по центру и останавливался напротив каждой решетки ненадолго – лишь убедиться, что там по-прежнему лежат тела, и никто не совершил «побег», как на местном сленге называется неполное пробуждение спящего. Мозг оживает, но вскоре вновь умирает. Обычно это короткий промежуток времени, когда спящий успевает лишь сползти с нар. Автоматика на такие слабые потуги не срабатывает (иначе, как пояснил Руслан, спокойно пить кофе на вахте не получится – сигнализация поминутно разрывается, реагируя на малейшее движение; собственно так поначалу и было, но когда обозначились первые «законы пробуждения» уровень чувствительности датчиков снизили).

Пройти по одному коридору занимало около пятнадцати минут, потому менее чем через два часа напарники сидели за вахтой и разговаривали. Никаких экстраординарных случаев – все тихо, мирно и спокойно, чему Вика несказанно радовалась. Руслан рассказал несколько душеледающих историй о первых спецхранилищах, когда слабая автоматика и неизвестные повадки спящих создавали столько опасности, что нападение на охрану являлось обыденностью. Совсем недавно, когда дома мертвых построили по всей России, и они приобрели широкую известность, спящие стали спокойнее. После пробуждения понимали, где очутились и чем являются.

Ближе к четырем часам дня наступило время дневного обхода. Проверив работоспособность, Вика зажала рацию в левой руке (Руслан снисходительно улыбнулся, мол, все мы так начинаем), а фонарик в правой и отправилась в коридор, куда ходила с Евгенией Порфирьевной. Первая палата напомнила виденный накануне сон. С замиранием сердца осветив дергающуюся наяву и во сне девушку, Вика не заметила признаков движения, поспешила дальше. Запах в коридоре стоял... не сильно противный. Руслан пообещал, что кандидат на «отправку» почувствуется задолго.

Виктория старалась идти быстро и оттого почти бежала, лишь мельком заглядывая в палаты и освещая пол в центре. В каждой она видела маленькие, тускло светящиеся точки – глаза покойников. Казалось, что сейчас раздастся стон и...

Это похоже на то, когда идешь мимо маленькой и брехливой собаки. Знаешь, что она сейчас начнет гавкать, но все равно пугаешься заливистого лая. Непроизвольно Вика ускоряла шаг, ожидая подобного, но страшней.

Ничего не произошло. Никто не напал, не застонал, не покусал. Чуть спокойней она прошла следующий коридор, а к последнему добралась с полным равнодушием. Ноги устали, нервам надоело ждать. Фонарик Вика начала проводить по нарам палаты, а если видела интересное, то задерживалась. Показалось, увидела знакомого, слесаря из цеха, где когда-то работала. Пригляделась, но так и не поняла он или нет. Смерть иногда меняет лица до неузнаваемости.

Так дошла до последней палаты второго коридора, третьего этажа. Осветив пол палаты, застыла будто парализованная. В центре, лицом к ней, на животе лежал труп. Одну руку вытянул в сторону выхода, и смотрел, не отрываясь, ей в глаза. Кровь в голове успокоилась и Вик-

тория поняла, что это всего лишь «беглец». Пальцы на руке заскребли по полу, словно он хотел таким образом добраться к ней.

Рация непроизвольно потянулась к лицу. Опережая, из динамика донесся голос Руслана:

– Не пугайся. Все нормально, – успокоил напарник. – Этот спящий тут лежит давно. Он какой-то частично оживший. Его отказываются забирать. Кроме как глазами и пальцами на руке ничем шевелить не может. Хоронить не положено – ведь очнулся ж! Вот и лежит, ни туда, ни сюда. Возвращайся.

Взглянув на спящего, Вика отправилась обратно, уверенная, что ей специально не сказали об этой «находке». Проверку устроили.

Когда вернулась к вахте, Евгения Порфирьевна уже ушла. Ее рабочая смена, в отличие от вахтеров-охранников, продолжалась восемь скучных, длинных, монотонных часов.

Остаток дня молодые люди провели в ничегонеделании. Вечером Руслан сходил на обход, и предстояла ночь, которой Вика боялась больше всего, хоть и понимала, что время суток определяется исключительно по часам.

– Я наверно пободрствую, – сказала она, когда напарник достал спрятанные за шкафчиками в раздевалке раскладушки.

– Не придумывай! – махнул он рукой. – Я сам думал, что не усну. Действительно, часов до двух заснуть не мог, а потом природа взяла верх. Вырубился как миленький и никакие мертвецы не снились.

– А вот в этом я точно сомневаюсь. Давай пободрствуем, пока хоть немного спать не захочется? – попросила Вика.

– Хорошо, – согласился он. – Давай.

Напарники вновь присели за вахту и несколько минут неловко молчали.

– Слушай, – медленно сказала Виктория. – Я не пойму, для чего нужна эта форма? Перед кем в ней ходить?

– Перед спящими, – незамедлительно ответил Руслан. – Я тоже вначале недоумевал для чего переодеваться, оказалось действительно надо. Во-первых, – пустился он в пояснения. – Чтоб спящие не пугались когда «просыпаются». Она действует чисто психологически, мол, человек в форме, шутки шутить не будет. По этой же причине спецбригады в белых халатах. Якобы врачи.

– И работает?

– И-и-и-и-иногда, – зевнул Руслан. – Может, все же поспим? – с надеждой посмотрел он.

– Нет, – сказала, как отрезала, Вика. – Хочешь – ложись, а я не могу понять, как можно спать, когда под боком столько потенциально живых трупов?! Тем более, после того, что ты о них днем сказал.

– А что я о них днем сказал? – наморщил лоб Руслан.

– Будто они не совсем мертвые.

– Не совсем мертвые, – хмыкнул напарник. – Та-ак. И что тебя в этом напугало?

– То, что они способны на все! Я раньше об этом попросту не думала. А ведь они действительно способны НА ВСЕ! Просто когда я раньше смотрела телевизор и слышала, что спящие (или как их называют эти, прибабахнутые, американцы, «зомби») натворили что-нибудь, то не верила. Теперь же... – многозначительно замолчала Вика.

– А ты вот о чем, – грустно улыбнулся Руслан. – Мне смешно смотреть телевизор, когда рассказывают, что спящие белые и пушистые кролики, хотя на самом деле это лишь полуправда. Они белые и пушистые, но песцы. А рассказывают специально, чтоб народ не боялся. Вот ты, раньше о спящих слышала, но тебе было все равно, есть они или нет. Они были где-то далеко, почти на другой планете. Теперь же... Вообще существует даже классификация. Если интересует, расскажу, – Вика угукнула. – Спящие, как и трупы подразделяются на два вида. Первый вид трупов – «жмуры». Их-то мы и ищем. Второй вид – «сони» – это те, что не разла-

гаются и не «просыпаются». Их и отправляют в отстойник на нижние этажи. Их больше всего. Покажу тебе как-нибудь, сколько этого добра там уже накопилось. «Сонь» не дают хоронить, так как иногда они все же «просыпаются». Теперь спящие. Первый вид это так называемые «зомби». Это о них говорят по телевизору. Они медленно разлагаются, кровь у них сворачивается, конечности практически не слушаются, мышцы коченеют и становятся деревянными. Частично работает центральная нервная система и периферическая. Я, если честно, вообще не понимаю, как они могут существовать без десяти остальных. Однако существуют же! Правда, когда начинает разлагаться мозг... Нам один раз показывали в универе это существо. Человеком это назвать невозможно. И зря ты американцев обзываешь. Поверь, Это невозможно назвать иначе чем «зомби». И Это действительно бросается на людей. Я стоял перед бронированным стеклом, а оно бесновалось и билось о него, пытаясь до меня добраться. «Прсыпается» они приблизительно через несколько недель после смерти. А вот второй и самый интересный вид спящих – это «живые».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.